

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

ПЛЕНУМ Советского комитета защиты мира принял решение начать с 1 апреля в СССР кампанию по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. В Ленинграде, Сталинграде и других городах состоялись пленумы местных комитетов защиты мира, одобрявшие это решение.

Ниже мы публикуем отклики советских писателей на Обращение Всемирного Совета Мира.

Не зарывайтесь!

Душа не хочет верить, разум отказывается понять, сердце отвергает, но, к сожалению, в мире находятся «люди», обожествляющие атомную бомбу. Они готовы, не считаясь ни с чем, применить ее против целых континентов.

Конечно, господа атомщики — все эти стивенсоны, гронтеры, монтромери — прекрасно знают, что атомное оружие обрушится прежде всего всей своей бесчеловечной, разрушительной силой на женщин, детей и стариков. Но, как говорится в татарской народной пословице, только тот, кто не потерял человеческого облика, думает о человеке.

Американские, английские, да и другие царь-петухи, мечтающие покорить весь мир, стараются убедить народы, прежде всего в своих странах, что атомная война — «неизбежное» зло и что победу одержат они, новоявленные претенденты на мировое господство.

Мы знаем, чем кончатся царь-петухи в сказке: как бы они ни хвастались своим величием, в конце концов все равно попадают в котел. Но угроза, направленная против мира и человечества, слишком велика, и теперь не только советские люди, а все миролюбивые народы земного шара хорошо знают, что надо быть начеку. Ведь если бы объединенные мощные силы мира не сдерживали руки атомщиков, громы давно бы начали свои черные дела. Вот почему сегодня миллионы простых людей всех стран, подписываясь под Обращением Всемирного Совета Мира, в один голос еще раз решительно заявляют: «Долой атомную войну! Мы требуем уничтожения атомного оружия!»

Это — суровое предупреждение. С ним нельзя не считаться. У нас говорят: прежде чем войти, подумай, как выйдешь. Те, кто пытался войти в нашу страну с мечом, всегда уходили с разбитыми носами или навсегда оставались в сырой земле.

Потому мы снова предупреждаем поджигателей новой войны: подумайте, как будете «выходить». Теперь мы не одни. С нами великий Китай, с нами народы стран народной демократии. Нас девятьсот миллионов! В Америке, Англии и в других капиталистических странах у нас миллионы друзей.

Не зарывайтесь, господа атомщики! Помните: кто играет с огнем, умирает от огня, кто играет с водой, умирает от воды. Если же вы находите, что эта старая пословица потеряла свою силу, прислушайтесь к новой: кто играет с атомной бомбой, умирает от атомной бомбы.

Это сказал народ, а народ всегда говорит правду!

КАЗАНЬ **А. АБСАЛЯМОВ**

Мир победит войну

С момента появления первой атомной бомбы немало западных писателей и журналистов сделали для себя ложным и, как это, вероятно, им кажется, долговременным бизнесом расписывание на все лады неизбежности атомной войны и «сверхмощного» ядерного оружия. Они начали бесконечную шаманско-кликушескую пляску вокруг водородной бомбы, стремясь заглянуть-ликушескими глазами в апокалипсические картины «конца мира».

Но в наше время истинная подоплека любого шаманства незамедлительно выходит наружу. Как и старые колдуны в балахонах и с бубном в руках, новые, уже упомянутые, в пиджаках и с авторучками, преследуют в общем одну и ту же цель: парализовать волю слушающих, заставить их смириться, стать на колени.

Конечно, ни литературные шаманы и прожектеры, ни их коллег — шаманы от живописи, рисующие расквашенных на ветках обезьян в качестве единственных обитателей земного шара в «сплошном зру», сами ни на грош не верят в «конце мира» и тому подобную ерунду. Для них «конеч мир» является лишь синонимом такого положения, при котором народы единодушно восстанут против заволашеванного диктатора, атомное оружие окажется запрещенным, а энергия расщепленного атома будет поставлена на мирную службу человечеству. Они заигрывают людей концом мира, а сами боятся конца пропаганды войны.

Однако я не склонен преуменьшать значение атомной угрозы или утверждать, что она ни при каких условиях не будет реализована. Больше того: поведение американских империалистов в послевоенные годы дает все основания полагать, что они хотят начать войну и применить атомное оружие, если это будет зависеть только от них.

Но ответственность за судьбы мира теперь берут на себя народы. А воля народов — это грозная сила, и она вполне может «привести в чувство» американских атомщиков.

С этой точки зрения трудно переоценить значение недавних решений, принятых Бюро Всемирного Совета Мира.

Совет Мира призывает народы к бдительности. Он зовет их поднять голос протеста и возмущения. Он напоминает, что только в самостоятельной борьбе против подготовки атомной войны можно обрести мир.

Пусть борьба укажет человечеству совестью и здравым смыслом. На этом пути мир победит войну!

Александр ЧАКОВСКИЙ

Игра с огнем

Старые мальчишки из Вашингтона и Лондона продолжают свою веселую игру. Перекачивая с ладони на ладонь взрывчатую бомбонерку весом в зное количество тонн, они пляшут на туго натянутом канате, показывая налево и направо язык. Сорвутся или не сорвутся? Упустят бомбонерку или не упустят? Игра, как видим, развлекательна. Но почему-то никто не смеется. Боюсь, что становится несвесело и самим старым мальчишкам.

Еще совсем недавно для того, чтобы народы могли очнуться от шовинистического гипноза и увидеть за ним коммерческие махинации буржуазии, нужны были мировые войны, великий океан крови, гимналы человеческих костей. Теперь же на наших глазах происходит небывалое: народные массы любой страны начинают прозревать задолго до боя. Умудренные страшным опытом Майданека, Трелбики, Освенцима, миллионы простых людей ясно представляют себе этот оптимизм на небоскребах масштаба в американском духе. И они не хотят молчать!

Первого апреля в Советском Союзе начнется сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Нас, советских граждан, активировать не придется. Мы больше всех страдали в прошлом, поэтому зорче всех видим будущее. Убеждены, что в нашем государстве нет человека, который откажется подписать этот протест. Мы уверены и в сочувствии трудящихся всех других стран. Народы поднимут свой громовой голос и дадут понять всем атомным, пушечным, аэропланам, нефтяным, свиным и прочим королям, что на земном шаре настали настоящие хозяева.

Довольно играть на нервах, джентльмены! Не утайте себя тем, что народы в борьбе за мир избрали своей эмблемой голубя. Этот голубь далеко не робок. И никаким геральдическим вооружением в орлиных перьях не заклевать нашей белой птицы.

Верю: голубь будет! Настанет ее торжество. Кули, рабочие, профессора, студенты, дехкане, кровью сердца вскорпим птенца своего, бурю влещут в его молодое дыханье.

Чтобы, как облако, птица эта росла! Чтоб эта птица стала эмблемой победы! Чтобы смыхнула все вороны с планеты метельным вихрем серебряного крыла!

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 марта с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Маршал Советского Союза **ГОВОРОВ Леонид Александрович** — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, Заместитель Министра Обороны СССР, один из выдающихся полководцев и строителей Вооруженных Сил Союза ССР, прославленный герой Великой Отечественной войны.

Похороны Маршала Советского Союза **ГОВОРОВА Л. А.** состоятся в городе Москве на Красной площади.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 марта с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Маршал Советского Союза **ГОВОРОВ Леонид Александрович** — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, Заместитель Министра Обороны СССР, один из выдающихся полководцев и строителей Вооруженных Сил Союза ССР, прославленный герой Великой Отечественной войны.

Похороны Маршала Советского Союза **ГОВОРОВА Л. А.** состоятся в городе Москве на Красной площади.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 марта с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Маршал Советского Союза **ГОВОРОВ Леонид Александрович** — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, Заместитель Министра Обороны СССР, один из выдающихся полководцев и строителей Вооруженных Сил Союза ССР, прославленный герой Великой Отечественной войны.

Похороны Маршала Советского Союза **ГОВОРОВА Л. А.** состоятся в городе Москве на Красной площади.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 марта с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Маршал Советского Союза **ГОВОРОВ Леонид Александрович** — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, Заместитель Министра Обороны СССР, один из выдающихся полководцев и строителей Вооруженных Сил Союза ССР, прославленный герой Великой Отечественной войны.

Похороны Маршала Советского Союза **ГОВОРОВА Л. А.** состоятся в городе Москве на Красной площади.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 марта с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Маршал Советского Союза **ГОВОРОВ Леонид Александрович** — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета Союза ССР, Заместитель Министра Обороны СССР, один из выдающихся полководцев и строителей Вооруженных Сил Союза ССР, прославленный герой Великой Отечественной войны.

Похороны Маршала Советского Союза **ГОВОРОВА Л. А.** состоятся в городе Москве на Красной площади.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 35 (3380)

Вторник, 22 марта 1955 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ГОД СПУСТА

Ольга КРЕТОВА

Бывая в Новохоперской МТС, я не однажды слышала, как работники ее говорят о себе: «Мы, железняки...» Кажется, пошло это от нового директора, во всяком случае, сам он произносил эти слова горячо и с большой внутренней убежденностью.

К своим тридцати годам Вениамин Федорович Ревин успел уже десять лет проработать в промышленности. После сентябрьского Пленума ЦК он попросил, чтобы его направили на работу в сельское хозяйство.

Став директором МТС, Ревин задумал коренным образом переоборудовать машинно-тракторную мастерскую, превратить ее в своего рода маленький завод, с четким производственным ритмом и индустриальной культурой труда.

«Мы, железняки...» — в этом была идея, линия, цепа программа.

Однако не все сразу пошло в ногу. Кто-то из механизаторов молчаливо упорствовал, отстаивая привычку работать по старинке. Но большинство поддержало нового директора.

Недавно я снова поехала в Новохоперскую МТС. Все это живо припомнилось мне; тем интереснее было сравнить вчерашнее с нынешним.

«Капитан степных кораблей»

В конторе на Доске почта я увидела фотографию комбайнера Якова Ивановича Панова и обрадовалась. Значит, неправ был тот механик, который год назад крикнул на собрании:

— Ревин с Пановым не работают! У них «звездочки» разных размеров... Так и будет все время цепь соскакивать...

То, что произошло между новым директором МТС и «капитаном степных кораблей», как величали Панова в районе, не было личной ссорой или столкновением несхожих натур, это был конфликт принципиальный.

И для формирования коллектива было очень важно, что Ревин сумел тогда поставить на место зазнавшегося, избалованного слабой человека, подчинить его общей дисциплине. Но кто мог поручиться, как поведет себя Панов в дальнейшем?

Фотография на Доске почта свидетельствовала, что повел он себя правильно. Мне очень захотелось встретиться со старым знакомым.

В воскресенье мы с Пановым сидели у него дома. В горнице под развесистым олеандерным деревом занимались ежками, две маленькие девочки. Их брат, школьник, снял со стены балалайку и очень важный ушел в Дом пионеров на занятие музыкального кружка. Тая, третья дочь, — подросток с рыжеватыми косицами, то и дело свозила из кухни во двор, выполняя хозяйственные поручения матери. А сама Любовь Андреевна хлопотала у печи.

— Ну, как «звездочки», Яков Иванович? — спросила я.

— Ту, негодную, пришлось «выбраковать», — ответил он и добродушно засмеялся. — Теперь все в порядке.

Как непохож был он сейчас на заносчивого человека, что буживал когда-то в кабинете Ревина.

— Таких, как ты, директоров, уже четырех повыгоняли! А я был, есть и буду лучшим мастер комбайновой уборки. Первый в районе.

— Что вы первый горлодер в МТС, это уже видно, — спокойно отвечал ему Ревин. — Насчет лучшего мастера — пока не знаю. Но предупреждаю наперед: если не будете участвовать в ремонте, обойдемся летом и без вашего мастерства.

Сейчас Панов вспоминал об этом столкновении без обиды, а с каким-то озорным юмором.

— Ну и была потеха — как мы с директором друг друга выгоняли!

— Дело прошлое, Яков Иванович, скажите по совести, ведь правда — сговорились комбайнеры?

— Панов лукаво подмигнул. — Иной наш брат в уборку приходит все, что можно, а потом до новой косовицы уха не чешет. Если кто уж чересчур жадный, тот норвист на зиму в шофере, чтобы и тут рыбак. Или у кого домашнее животноводство сильно развито, тот иной раз с шиварадом барду налет возить: бочку в колхоз, бочку себе... две бочки себе, бочку по одной...

— Значит, от ремонта уклонялись?

— Ну, это кто как, — возразил Панов. Если про меня, то он еще не знал. Я свою машину всегда сам ремонтировал.

— Только свою?

— По тем порядкам больше никто и не возыскавал.

— А по нынешним?

— Яков Иванович присосанился, как на фотографии.

— Теперь — всю зиму в мастерских. Двигатель на электростанции капитально отремонтировал. Да что вы меня спрашиваете? Вы у Ревина спросите. Он мужик справедливый, уже сам кое-кому объяснял, что по моему мотоциклу часы проверяет. Как без четверти восемь — мучусь с громом.

Поартачившись вначале, Панов, как говорится, засучил рукава. Жестяничка, кузнец, механик по моторам, вот сколько оказалось у него профессий! Все они были нужны. А сознавать себя нужным, необходимо, — это как раз и было потребностью Панова.

— Ему нравилось быть «незаменимым». А здесь, в мастерской, изготовляя капот для трактора, Панов видел, что тем же самым делом занят Золотарев. Оказалось впереди можно было, только делав крепче, ладнее. Преимущество завоевывалось качеством работы.

Панов дал качество. Ни одно дело не вырвалось у него из рук, будь то конструктивное усовершенствование квадратно-гнездовой сеялки или восстановление двигателя на электростанции.

Тому же Панову не раз случалось ругаться с председателем колхоза за несвоевременную подвозку воды к комбайну. Но разве болело у него сердце о том, что женщины ведрами тянут воду из колодца?

А нынче Яков Иванович из бракованных комбайновых цепей конструировал простейший водоподъемник. Этот «малый механизатор» суждено сыграть большую роль. Ведь насосы еще нельзя поставить на всех фермах, а нехитрый водоподъемник может быть установлен на любом колодце.

Разве пришло когда-нибудь в голову комбайнеру Панову заглянуть в колхозный коровник или на свинарник? Пожалуй, он считал бы это неподходящим для своего достоинства.

А сейчас Яков Иванович с гордостью говорит, что он вместе с комбайнерами Мироновым и Сидневым уже изготовил две подвесные дороги для свиноферм колхоза «Освобождение». Хорошая, правильная работа!

— Мы не ущемили Панова, мы только упорядочили и организовали его энергию, — сказал мне Ревин, когда, спустя несколько дней, у нас зашел разговор об этом человеке.

«Упорядочили и организовали энергию» — это очень правильно сказано и, конечно, относится не только к Панову. Он был лишь наиболее ярким представителем этакой «самостоятельности». Моральная победа нового директора была победой дисциплинирующего начала, первоначальной воспитательной коллектива.

Уже немалым делом было, что ремонтники привыкли к таблице, научились работать по графику, что и комбайнеры, и трактористы, и шоферы стали вести хозяйский счет деньгам.

А потом у молодого отряда рабочих появился интерес к новым методам труда и в мастерской и за ее пределами. Возникло понимание необходимости насытить механизацией все отрасли колхозного производства.

Еще в минувшем году Новохоперская МТС стала оказывать существенную помощь работникам животноводства. Была организована подвозка кормов к фермам, измелчение их, установлены кормозапарники. Механизаторы проявили инициативу в изготовлении колчатых бетонных колодцев. Этот почин новохоперские подхвачен соседней Некрыловской МТС и распространен по всему району. Летом во всех колхозах были сооружены сильные полуобушники. Скот обеспечен сочными кормами.

После январского Пленума ЦК партии механизаторы еще глубже поняли свою ответственность за дальнейший подъем не только колхозов, но и животноводства. Мне вспомнилось выражение: «Мы, железняки...». Вот теперь оно, очевидно, произносится здесь с полным правом.

«Племянник Мичурина»

Шло производственное совещание. Свое выступление директор МТС начал словами: «Мы, хлеборобы...». Слышать это от него было ново.

Когда часа через два механизаторы разошлись, Вениамин Федорович, будто продолжая прерванный разговор, сказал мне: — Да, я был стопроцентный «железняк». Я был некогда уверен, что стоит только добиться хорошей работы, машина, и урожай обеспечен. Ну, вот. Этого мы в основном добились. Пахали, как положено, сеяли в рекомендованные сроки. И — семьсот гектаров яровых... скопили на село.

— Ведь засуха была, — сказала я, стараясь смягчить горечь поражения, с которым Ревин не мог, не хотел смириться.

— Самая страшная та засуха, что в мотках, — ответил он. — Особенно, если у начальников по сельскому хозяйству...

Его молодое лицо показалось мне ошунувшимся. Лучики из глаз, такие белые, когда в глазах искрился смех, сейчас были стерлись. Зато явственней проступили бороздки ранних морщин на лбу.

— Год назад, — рассказывал Ревин, — я еще не ломал голову над тем, что у нас вместо планирования культуру применительно к почвенным условиям — развредка, вместо продуманных севооборотов — всеобщий стандарт, вместо живой и гибкой агротехники — догма. А когда рассмотрелся, как ходит комбайн целый день по полю, а в бункере пусто... Такая меня взяла злость! Вижу, не миновать заниматься «агротехнической проблемой».

И сущность этой проблемы, думается мне, — в кадрах. Раньше, еще до работы в МТС, я был очень высокого мнения об агрономах, я всех их считал деревенскими лентяями Мичурина. А здесь... ну, давайте подумаем, кого можно отнести к его родне?

Я стал мысленно перебирать знакомые имена... Константин Матвеевич Науменко, человек, двадцать лет проработавший в аппарате райисполкома, составивший, по его собственным словам, не меньше чем «два вагона» докладов по сельскому хозяйству и проектов решений... После упреждения сельхозотделов он оказался главным агрономом МТС.

Однажды мне случайно привелось услышать любопытный диалог. Панович МТС, «готовивший цифры» в отчету главного агронома, на его замечание сказал: «Такой и графы нет». Науменко ответил буквально следующее: «Если графы нет, ее нужно создать».

Более выразительную самохарактеристику трудно придумать.

«Создать графу!» Давно ли в этом был

подлинный пафос большой категории агрономов-канцеляристов?

В конце концов стало очевидным, что Науменко только пересел с одного стула на другой. Райком посоветовал ему сделать решительный шаг — пойти в колхоз. Пока медлит...

И вдруг не вошло, а ворвалось в память: маленький полный человек, бросив на обочине лошадей с дрожками, ковыляющей походкой спешит наперез трактору. Машет рукой, что-то возбужденно кричит.

— Помните: «Через мой труп...», — сказала я Ревину, и от этих слов нам обоим стало весело.

— Вы угадали, — подтвердил директор. — Я тоже думал о Семкине. Что-то есть в нем, если не от корня того, так хоть от боковой веточки.

— Племянник Мичурина, — пошутила я.

— Вот, вот. Дикий, конечно, побег, но с цепкой животной хваткой.

Мы стали вспоминать привычки и поступки агронома Семкина, его излюбленные выражения.

«Кто я? Я — фюрер МТС в колхозе!» — Декларация немного курьезна по форме, но суть-то правильная! Человек видит себя на передовой линии, сознает свою важную роль.

«Только через мой труп» — это не просто поговорка, это мерло его убежденности, заплата против догматизма. Это значит, если вижу, что-то делается бесполезное, ненужное, — не позволю, хоть сто циркуляров из области спустило.

Рассказывают, будто одному ответственному товарищу, командированному из областного управления, Семкин так заявил: — Ваши распоряжения — сплошное агрономическое некомпетентие. Мне тут дел Мироничи конкретные агроуказания дал: где что сеять, по сколько убирать. Я склоняюсь его мнению придерживаться.

Не было зады у Семкина с аппаратными работниками. Требую с него докладную, а он говорит: «Мой отчет еще в поле растает».

В «Красную звезду» Михаил Васильевич Семкин пришел после сентябрьского Пленума. Обехал поля, просмотрел все уголки, до последней борозды, и вознегодил: «Почему на таком уровне этот колхоз, когда у него есть все перспективы?»

Ранней весной в МТС проходило совещание о кормовой базе животноводства. То самое совещание, после которого один из председателей колхозов получил в районе печальную известность своим изречением: «Ам сейчас не до молока, — лишь бы корова ноги волокла».

Главный зоотехник Мария Федоровна Трушина рассказала, как жаловался зеленый конвейер.

Председатель «Красной звезды» Лебедев, «упрямый потомок хоперских казаков», как его зовут в МТС, поднял голову с буинной селедкой шевелюрой и отрубил: — Я мысля — из этого новшества дела не будет.

Сейчас вскопича с места Семкин. — Еще как будет! — азартно выкрикнул он и обернулся к Ревину: — Вениамин Федорович, я целину нашла!

— Так распахивайте ее скорей!

— Да Лебедев не дает... Ноет, что кормов нет, а земля гудает...

— Там же солонцы у вас, — вставил слово главный агроном Науменко.

— Вот где у нас в мае солонцы, — Семкин выразительно постукал себя пальцем по лбу. — А там, я ручаюсь, даже просе будет.

«Целина», которую нашел Семкин в колхозе, — это запольные участки, непродуктивные пастбища.

— Последние выгоны лишаем, — скорбел Лебедев, когда под двойным напором — агронома и директора МТС — нехотая дал согласие на распахку.

Посеяли сунуку, могар, кукурузу. Несколько десятков гектаров отвели под просо. И что же? За год по колхозу «Красная звезда» улой от каждой коровы вырло на 550 литров. На зиму скот обеспечили фуражом высокого качества.

Не подвело и просо. Свыше тысячи центнеров добавочного зерна полуцад колхоз с залежных участков.

Все это и еще многое вспомнили мы с Вениамин Федоровичем Ревиним, толкуя о типе агронома.

— Семкин, конечно, не идеал, нет, не идеал, — говорил директор МТС. — Его надо основательно воспитывать. Но я бы долго дал, чтобы слышать о себе то, что слышал в колхозе о нем.

— Где Семкин — там хлеб будет!

Директор и партийная организация Новохоперской МТС неплохо поработали с кадрами механизаторов. Сейчас внимание сосредоточено на агрономах и зоотехниках.

Решения Центрального Комитета партии дают большой простор местной инициативе. На днях агроном Новохоперской МТС, собравшись все вместе, долго толковали о расширении площадей под кукурузой. Решение — около 600 гектаров, как было в прошлом году, посеять свыше двух тысяч гектаров этой ценной культуры. В каждом колхозе выделяется по два гектара под участки для выращивания гибридных семян.

Активизировать живую мысль агрономов и зоотехников, научить их творчески работать — вот чем озабочены сейчас руководство МТС и ее партийная организация.

А директор, инженер по специальности, чувствует настоятельную необходимость приобрести знания в области сельского хозяйства.

— Учиться буду заочно. В аспирантуре при Институте экономики сельского хозяйства, — говорит Ревин с нотками зазора в голосе. — Раз уж взялся за гуж, — сделался хлеборобом, — не говори, что не жид! НОВОХОПЕРСКИЙ Балашовской области

СТРОИКИ ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ НОВАЯ КРАСОТА СЕВАНА

Неповторимая красота Севана воспева многими поколениями поэтов. Расположенное на высоте почти двух тысяч метров, это голубое озеро, в два с половиной раза превосходящее по своей площади Женевское, образно называют задрывной чашей, поднятой к горным вершинам.

Но, радуя глаз человека, Севан слишком скупой делился с ним главным своим сокровищем — влагой, столь необходимой для орошения полей и садов. А при этом оно в свою каменистую чашу сток 29 рек да вдобавок влагу дождей и снегопадов — миллиард двести миллионов кубометров воды в год — делает Московское море! Из Севана же вытекает единственная речка Раздан (Занга). Она несет в знойную, жаждущую Араратскую долину лишь около пятидесяти миллионов кубометров воды, примерно столько же приходится в подземные источники.

Казалось бы, даже такая гигантская чаша давно-давно должна была переполниться. Однако этого мы не наблюдаем. Излишек воды испаряется. За год свыше миллиарда кубометров воды поднимается в воздух, превращаясь в облака, и уносится за пределы Армении.

Армянский народ давно мечтал исправить эту несправедливость природы. Ее и исправляют в наше советское время.

Как известно, предусмотрено направить воду Севана по искусственным сооружениям на турбины каскада гидроэлектростанций, а когда она, выполнив заданную ей работу, достигнет Араратской долины, использовать ее для орошения земель.

По расчетам инженеров, понижение уровня воды в озере через пятнадцать лет будет прекращено. Площадь Севана уменьшится в шесть раз, а благодаря этому резко сократится и испарение влаги с его поверхности. Приход и расход воды в озере уравниваются.

Еще не все станции каскада построены, но обильная и дешевая электрическая энергия уже помогает бурному развитию промышленности Армении, росту и благоустройству столицы республики — Еревана.

В настоящее время работают три станции каскада — Севанская (Озерная), Гюмюшская и Канакерская. В разгаре строительство Арзникской ГЭС, начало сооружению Атарбекской ГЭС. Всего на Раздане будет восемь таких станций.

Возможности здесь сооружения не похожи на станции равнинных рек. Посетив, например, Севанскую ГЭС — верхнюю ступень каскада, — увидим здание гидроэлектростанции; оно находится глубоко под землей, в каменном чреве горы, на одном горизонте с будущим уровнем Севана, до которого оно опустится через полвека.

Мы на стройке Арзникской Г

ЗАКОННЫЙ УПРЕК ОТЦА

Уважаемый редактор! Я пишу вам о своем сыне Жене, но сказанное в этом письме касается и многих его сверстников, тревожит миллионы родителей.

Женя учится в девятом классе. Я испытываю чувство горькой благодарности к преподавателям школы, ведь, как формируется характер и как расширяется умственный кругозор моего сына. Он усидчив и старателен, отметки, которые приносит из школы, чаще всего радуют меня и жену: в нашей семье четверка считается плохой отметкой. Школа воспитала в нем чувство долга, любовь к коллективу, к общественной работе. Товарищи любят Женю: он избран секретарем комсомольской организации класса и членом школьного комитета ВЛКСМ. Мы рады успехам нашего сына и — что скрывать! — гордимся им.

Только в одном отношении Женя не радует нас — он недостаточно развит физически. Формально и здесь все обстоит благополучно. Он и по физкультуре — отличник. Мало того: он принадлежит к физкультурному активу школы, играет в школьной волейбольной команде.

Если по таким предметам, как тригонометрия и английский язык, мерилом успехов сына для меня является школьная отметка, то в области физического развития я имею возможность дать собственную оценку успехам моего сына. И скажу прямо: по этому предмету и по поставленной бы сыну задаче! Идетера по физическому развитию, на мой взгляд, предопределяет крепкие мускулы, развитые плечи, сложение и выправку гимнаста, умение бегать, прыгать, плавать, выносливость, неутомимость.

А вот у Жени, хотя он и не слабого сложения, — сутулость, при высоком росте недостаточно развита грудная клетка, мускулы скорее мальчишья, чем юношеская, способность к длительному физическому напряжению у него нет.

Попросил я его недавно помочь напильник дров. Взглянул он за дело горючо, охотно — сын у нас не лентяй. Но уже после третьего бревна выдохся. А ведь он с медицинской точки зрения здоровый.

Дли вот, прошлым летом вылезали мы с ним в лес на прогулку. Я люблю собирать грибы, решил и сына взять с собой погулять лесным воздухом. Пройти мы несколько километров — гляжу, Женя мой уже совсем без сил. Просятка: — Давай, папа, отдохнем.

Не раз думаю я: в чем кроется причина его физической слабости?

Конечно, дело здесь не в бытовых условиях. Женя живет в хорошей квартире, нет у него ни в чем недостатка. Тяжело работать ему не приходится. В то же время не могу сказать, чтобы мы изнежили сына. Так как я и жена в прошлом спортсмены, мы и его приучили к ежедневной утренней зарядке. Казалось бы, ему ли не быть крепким, здоровым, выносливым юношей? И, однако, это не так. Почему?

Наша средняя школа фактически не занимается физическим развитием учеников. Как же так, скажут мне, ведь в школе физическое воспитание является дисциплиной, входящей в программу обучения. Ведь каждый ученик следит нормы комплексов — «Будь готов к труду и обороне» и «Готов к труду и обороне».

Формально так, но посмотрим, как поставлено это дело в 22-й школе, где учится мой сын. Физическому воспитанию школьная программа уделяет два урока в неделю — девятую минут. В группе одновременно занимаются 35—40 человек. Если даже считать, что выполненное упражнение занимают сразу пять человек, то и тогда выходит, что на каждого ученика приходится всего десять минут в неделю. Вот сколько времени уделяет школа гимнастике!

А сколько можно насчитать учеников, физическому развитию которых не уделяется ни одной минуты! В каждой школе есть дети, освобожденные от этих занятий по состоянию здоровья, хотя, казалось бы, именно им в первую очередь надо закалять организм. Ведь разумная, продуманная система физических упражнений могла бы укрепить их здоровье.

Вообще, физическая подготовка — это единственная «предмет» программы обучения, в котором школа безразлично мирится с отставанием учащегося. Если ученик отстает по математике, по русскому языку, географии или любому другому предмету, — для него устраивают индивидуальные занятия, ему уделяют особое внимание. Отставание же в области физической подготовки не заботит решительно никого. Дело заключается в том, что неуспеваемость по этому предмету не отражается ни на репутации школы, ни на оценке работы ее педагогического состава, ни на успехах самого ученика. Как же учителя по физкультуре (которую вообще трудно получить) не помешает ему перейти в следующий класс, считаться в числе лучших учеников, получить аттестат зрелости.

Критерием физического развития, являясь экзаменом по этому предмету, является сдача нормы на комплексе БТТО, а для старшеклассников на ГТО. Если сдача нормы — это экзамен, то к экзамену надо готовиться. А в школе за всю жизнь не было почти такой подготовки. Нормы, однако, славы.

Вот, к примеру, совсем недавно, женин класс сдавал нормы ГТО по метанию гранаты (сдача которых включается в отчетную, обобщательную отметку). Принимать

нормы поручено было самим ученикам. Ничего плохого нет в том, что физики (как обычно называют у нас преподавателей физкультуры) прилагают в помощь себе лучших физкультурников. Но это в том случае, если на уроке присутствует и сам преподаватель, наблюдает, поправляет, показывает. Здесь же ученики заменили его. Спрашивается: по какому другому предмету школа поручила бы прием экзаменов у учеников их одноклассникам?

Не зафиксированное, официально никем не признанное убеждение в неосуществленности этого «предмета», в нецелесообразности систематической работы по физическому воспитанию школьников распространено не только в школьной среде, но и за ее пределами. В прошлом году в нашем городе построили новое, четырехэтажное здание школы, причем строители «забыли» о гимнастическом зале. Знание по существу не достроенное, принцип! А сколько есть таких школ, где гимнастические залы, хотя и существуют, но в действительности мало пригодны для занятий! Чаще всего — это помещения с низкими потолками, со скудным, изношенным оборудованием, к тому же плохо вентилируемые, неаккуратно убираемые и потому пыльные, не имеющие аэрационных спортивных снарядов. У школ просто нет на это средств.

Конечно, нельзя оправдать плохую физкультурную работу в школе отсутствием спортивного зала или инвентаря; при желании многое в этом отношении можно сделать и местными силами. Но, к сожалению, о создании нужных условий для борьбы за физическое развитие ребят в иных случаях плохо заботятся органы народного образования и сама школа.

А вот и результаты: физические здоровый юноша, а трех бревен перенести не может. И удивляться тут почему: какая выносливость может быть у ученика, если физическому развитию его уделяется десять минут в неделю, если его «оберегают» даже от упражнений на открытом воздухе. В нашем городе завелся такой порядок: учеников не выпускают из школы даже на большие перемены — нанесут еще в помещении грязь, прибавится работа уборщицам. А почему, спрашиваю я, не привлечь самих школьников к уборке? Есть и другая причина: говорят, ребята простужаются.

Надо решительнее выносить занятия по спорту на открытый воздух, закалять здоровье ребят, сделать уроки физкультуры интересными, увлекательными. Конечно, для таких внеклассных занятий нужны опытные, знающие руководители. Для наших же школьных физкультур очень часто преподавание в школе является чем-то вроде дополнения к их основной работе — в спортивных обществах, клубах, комитетах. Не говорю уже о том, что очень мало физкультур, у которых специальная подготовка сочетается с педагогической, врачебной. А сколько среди преподавателей физкультуры случайных людей! Поэтому и уроки они проводят формально, не вызывают у школьников ни чувства соревнования, ни любви к физическим упражнениям. Так умудрились превратить увлекательнейшее занятие — спорт — в скучный, но любимый ребятами предмет.

А обидно! Ведь интересно проводимые занятия по физкультуре, создание в школе широкой спортивной самостоятельности могут, помимо всего прочего, заполнить досуг ребят, отвлечь их от влияния улицы, укрепить общую дисциплину в классах.

Между тем средняя школа видит единственную цель своей работы в том, чтобы подготовить школьника к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. Только седьмая часть десятиклассников, выпущенных в прошлом году 22-й школой, сдавала экзамены в вузы, остальные ушли на производство, в техникум или училище, некоторая часть — на военную службу. Вот и выходит, что большинство своих выпускников школа плохо подготовила к труду на предприятии и к службе в армии.

Итерия, которая порой так щедро ставит физкульту, стала мировой для руководителей школ и органов просвещения: ею они прикрывают отсутствие настоящей работы по физическому здоровью молодежи. Мы, родители, хотим, чтобы умственное развитие, образование наших детей гармонически сочетались бы с их физическим развитием. Мы хотим, чтобы школы помогали нам закалять здоровье мальчиков и девочек, сделали их сильными, выносливыми, стойкими в борьбе с любыми жизненными невзгодами.

Я не педагог. Мне трудно ответить на вопрос, что и как нужно изменить в системе школьного воспитания, чтобы достигнуть нужных результатов. Но я не могу не признать нравственным неведением и физическому развитию, к здоровью школьников. Речь идет о здоровье миллионов молодых людей, о том, чтобы воспитывать их сильными, выносливыми, способными и к труду — и если понадобится — к обороне своей Родины.

Не я первый поднимаю вопрос о физическом воспитании школьников. Об этом писалось не раз, и в нашей газете была статья «Плохая отметка», напечатанная более двух лет назад. Срок немалый, однако мало что изменилось за это время. Похоже, что министерства просвещения не восторженно существующим положением. Поэтому и хотелось бы, чтобы вопрос этот был вновь обсужден на страницах вашей газеты.

Полковник запаса С. БУГАЕНКО,
председатель родительского комитета
22-й средней школы
СЕРПУХОВ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. МОЖАЙСКОГО

Обретенные крылья

Создатель первого в мире самолета русский морской офицер Александр Федорович Можайский связывал возмозможные идеи воздухоплавательного аппарата со своими наблюдениями над птицами. Многие изобретатели, как до него, так и после, начинали с этого же. Однако, изучая строение и движение крыльев птиц, Можайский первым пришел к открытию законов аэродинамики, которые легли в основу теории полета.

Руководствуясь этими законами, А. Можайский построил несколько моделей своего будущего самолета и показал их в полете выдающимся ученым и инженерам того времени. Они признали, что А. Можайский весьма верно решил давно назревший вопрос воздухоплавания — проблему управляемого полета на аппарате тяжелее воздуха. В частности, профессор И. Алимов писал 15 ноября 1878 года в «Кронштадтском вестнике», что аппарат А. Можайского составляет «... громадный шаг к разрешению великого вопроса плавания человека в воздухе по желаемому направлению...».

Летом 1882 года на военном поле Красного Села были проведены первые испытания самолета Можайского. Аппарат поставили на деревянную горку, сооруженную для взлета. Заработали моторы, и самолет, набирая скорость, сначала покочкался, а потом оторвался от земли. Этим было доказано, что аппараты тяжелее воздуха могут летать.

Принципиальная схема самолета, научно обоснованная нашим выдающимся соотечественником, и ныне применяется в авиации всего мира. В конструкцию его «воздухоплавателя» вошли все пять основных элементов современного самолета: несущие плоскости, или крылья, силовая установка, корпус, или фюзеляж, хвостовое оперение — рули для управления самолетом и шасси.

Большую модель этого самолета ныне с интересом рассматривает каждый посетитель Центрального Дома авиации имени М. В. Фрунзе в Москве, где творчеству А. Можайского посвящен специальный раздел. Здесь можно также увидеть образцы современных советских воздушных кораблей — реактивных самолетов, которые так различительно характеризуют достижения нашего народа, его ученых, конструкторов и летчиков в развитии отечественной авиации.

Вчера советский народ широко отметил 130-летие со дня рождения выдающегося русского ученого и патриота, творца первого в мире самолета. Советское правительство, отмечая заслуги А. Можайского в развитии авиационной науки и техники, приняло решение об увековечении его памяти. В Красном Селе устанавливается бронзовый бюст А. Можайского. Ленинградский Краснознаменный военно-воздушный инженерный академии присваивается имя А. Ф. Можайского.

В Центральном театре Советской Армии вчера состоялось торжественное заседание, посвященное 130-летию со дня рождения А. Можайского. Торжественные собрания состоялись также в других городах страны.

По тридцати одному маршруту

По тридцати одному маршруту отправляются из Москвы передвижные художественные выставки. В течение года они совершат длительные путешествия по городам и районам, как будут показаны многие произведения русских и зарубежных классиков, а также советских мастеров.

Одна из выставок уже развернута во Владивостоке. В нее включены произведения живописи, в частности известная панорама обороны Сталинграда, а также графика и скульптура. Ее дальнейший маршрут: Хабаровск — Свердловск — Молотов — Магнитогорск — Серов.

В ближайшее время население прибайкальских республик сможет ознакомиться с Третьей всесоюзной выставкой дипломных работ, представляющих студентам художественных вузов в 1954 году. В Ленинграде началась показ произведений скульптора Вера Мухомова; летом их увидят киевляне. В середине апреля в Ленинград, а затем в Киев будет отправлена Всесоюзная художественная выставка 1953—1954 гг. В промышленных центрах Урала — Алапаевске, Верхней и Нижней Салде, Асбесте и других городах будут показаны лучшие образцы работ наших фотомастеров. Осенью выставка живописи, графики и скульптуры отправляется в Смоленск и Витебск.

Многие из новых маршрутов пройдут по сельско-хозяйственным районам. Так, колхозники и работники совхозов Азербайджана, Узбекистана, Латвии, Эстонии, Молдавии, Кубани, Алтая и Омской области ознакомятся по репродукциям с лучшими картинами советских художников. В восьми колхозах и совхозах Казахстана в течение весны и лета будут экспонироваться выставка живописи, графики и скульптуры.

Вновь широко открывают свои фонды наши музеи. В течение года в разных городах побывают четыре выставки Государственной Третьяковской галереи, три — Государственного русского музея, две — Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выставку китайского изобразительного искусства составила работница Государственного музея восточных культур. Из собраний Государственного Эрмитажа будут созданы пять выставок: одна из них посвящена искусству Китая, другая — героическому прошлому русского народа, остальные — западноевропейскому искусству разных веков.

ОДНОЙ из самых не о трюльных, настоятельных и важных задач нашего литературоведения является создание истории советской литературы. Намеку государству скоро исполнится сорок лет. Вместе с ним росла, мужала, прокладывала новые пути, помогала народу строить коммунизм и советская литература. Осмыслить ее огромный творческий опыт, показать читателю, какие богатства ею накоплены, — что может быть почетней этой цели. И понятно, что все мы с нетерпеливым интересом ожидали опубликования давно обещанного Института мировой литературы Академии наук (СССР) «Очерка истории русской советской литературы», первая часть которого вышла, наконец, в свет.

То, что у нас до сих пор не было фундаментальной работы по истории советской литературы, и неспроста, и необъяснимо. Известно, что за последние годы появились ряд пособий для средней школы; Московским государственным университетом издаются лекции, посвященные творчеству отдельных писателей. Опубликована немало критико-биографических очерков, но все они не могли и не могут заменить обобщающего труда, который развернул бы целостную картину развития новой литературы социалистического общества.

Книга, выпущенная Институтом мировой литературы, требует подробной и развернутой оценки, — этой оценки я не собираюсь давать. Мне хотелось бы в связи с выходом книги поставить несколько вопросов, без решения которых, думаю, мне, невозможно создать по-настоящему полноценной истории советской литературы.

Не может быть двух мнений относительно того, что «Очерк истории русской советской литературы» оставляет впечатление серьезного и большого труда. В нем участвуют крупные и опытные литературоведы, и ими проделана полезная и значительная работа.

Прежде всего «Очерк» вводит в обращение много нового, свежего и разнообразного материала. Чрезвычайно интересны впервые привлекшиеся отклики и суждения передовых деятелей зарубежных стран о нашей литературе, свидетельствующие о той огромной мировой роли, которую играет правдивое и яркое слово советского художника.

Заслугой авторов является то, что они рисуют движение нашей литературы как процесс коллективный, массовый. Располагая богатейшим архивом Института мировой литературы, участники «Очерка» смогли привлечь новый и обширный материал, характеризующий творческую деятельность Горького, Тренева, Фурманова и многих других.

Безусловным достоинством «Очерка» является и то, что в нем восстановлена, нарушенная ранее в ряде случаев, историческая справедливость. Так, книга напоминает читателю о том, что в свое время пользовалась немалым успехом талантливая и яркая поэтесса Ю. Айседора (Недзеля); дана оценка, но верная характеристика Есенина, объективнее, чем делалось обычно раньше, освещено творчество такого крупного поэта, как Баргирский. В «Очерке» рассказывается о хороших поэтах В. Пастернака: «1905 год» и «Лейтенант Шмидт». Это, однако, не значит, что «Очерку» свойственно христианское всепрощение. Нет, книга рисует острую идею борьбу против чуждых направлений, борьбу за преодоление недостатков в творчестве советских писателей. Нельзя не отметить при этом, что о заблуждениях и ошибках некоторых советских писателей говорится в товарищеском тоне, без угрожающих прокурорских интонаций.

Авторы исходят из плодотворной цели «показать, как советские писатели своими идеями и образами участвовали в общей борьбе за построение социалистического общества, которую вел советский народ, охарактеризовать все возрастающую роль и значение советской литературы в борьбе за новую культуру, за нового, социалистического человека, за воспитание молодых поколений в духе коммунизма».

Я не сомневаюсь, что книга найдет широкое применение в педагогической практике и с пользой и интересом будет прочитана широкими кругами читателей.

И все же создание полноценного обобщающего труда по истории советской литературы — столь ответственная и большая задача, что и после выхода в свет «Очерка» истории русской советской литературы» есть о чем поговорить, есть о чем спорить, ибо не все проблемы решены, как мне кажется, авторами «Очерка» удачно и убедительно. При этом речь должна идти не столько об отдельных оценках, хотя и они важны, сколько об общих принципах, без которых и правильные оценки не смогут содействовать успеху дела. И думаю, что не безалячные суждения, а обстоятельная творческая дискуссия сможет решить эти спорные проблемы.

Один из существеннейших вопросов, возникающих при создании истории советской литературы, это вопрос о периодизации. Принцип периодизации, принятый в «Очерке», вызывает серьезные возражения. Авторы исполнены благих намерений, они хотели обрисовать тесную связь литературы с жизнью, но в этом своем стремлении они шли в крайность. Принятая в «Очерке» периодизация истории советской литературы нецелесообразна и полностью совпадает с периодизацией в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Правильно ли это? Можно ли связать искусство с жизнью, как полное синхронное совпадение процессов, происходящих в литературе, с событиями, происходящими в общественно-политической жизни? При самом наименеегилом подходе писателя к своей работе для создания настоящего художественного произведения требуется время. Скажут: связь между искусством и жизнью выражается не только в тематических откликах, — и это справедливо. Но даже с точки зрения внутреннего воздействия тех или иных событий на творчество писателей можно ли так точно и приложительно приурочить это воздействие к соответствующим периодам истории партии? Насколько это все упрощает реальную картину историко-литературного развития, можно видеть по такому примеру. Глава третья «Очерка» посвящена литературе

ОБСУЖДАЕМ «ОЧЕРК ИСТОРИИ
РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Решить спорные проблемы

Л. ПЛОТКИН

периода борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.), а глава четвертая рассказывает о литературе периода борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.). Нет сомнения в том, что переход нашей страны в развернутое наступление социализма по всему фронту вызвал огромные перемены в литературе, но есть ли, с точки зрения историко-литературного развития, обоснованность в том дробном членении, к которому прибегают авторы «Очерка»? В самом деле, основные книги, посвященные индустриализации, — романы Шатинин, Девцова, Катаева, Ильина, Зренбург, пьесы Погодина, стихи Безыменского, появились либо в самом конце 20-х годов или в начале 30-х, то есть как раз в период коллективизации, и напротив, — такой роман, как «Бруска» Шапферова, посвященный теме колхозного строительства, начал печататься в период индустриализации.

При таком чисто формальном переисчислении периодизации «Краткого курса истории ВКП(б)» на историю литературы события истинно исторического значения, происходящие в самой литературе, затупеваются, их значение в художественной жизни страны не выясняется.

Кто будет спорить с тем, что 1932 год, год ликвидации РАППа и всех других литературных группировок, был рубежом в нашей литературной жизни? А между тем при том расположении материала, который принят в «Очерке», значение этого большого события неизбежно умалено. Вопрос о принципах периодизации истории советской литературы должен быть подвергнут всестороннему обсуждению.

Нам кажется, что любой читатель с чувством недоумения воспримет и другую особенность «Очерка» — отсутствие биографических глав, посвященных творчеству наиболее выдающихся советских писателей. Понятен замысел авторов подчеркнуть коллективный уклад советских писателей, массовый характер нашей литературы, и все же то, что в академической истории советской литературы нет развернутых глав, посвященных творчеству классиков нашего художественного слова, не может не вызывать возражения. Нам глубоко чужд культ личности не только в политической области, но и в сфере искусства, но нам также чужд и культ «безличности». Сто двадцать лет назад, в 1834 году, в «Литературных мечтаниях» В. Белинский, исходя из конкретных политических задач, писал, что у нас есть писатели, но нет литературы. В дальнейшее он от этой мысли отказался. Не кажется ли авторам, что они впадают в читателя мысль: у нас есть литература, но нет писателей? Можно ли удовлетвориться тем, что сообщено в «Очерке» о Горьком, А. Толстом, Маяковском, Серафимовиче, Фурманове, Д. Бедном, Н. Островском, Треневе, Гладкове, Шолохове, Фадееве? И в связи с этим возникает еще одно соображение. Литература отражает жизнь, но действительность бесконечно многообразна, и за всего этого великого богатства писатель берет то, что его больше всего трогает, писатель вдохновляется теми фактами, эпизодами, лицами, которые отвечают его внутренней потребности. Переход от одной книги к другой определяется и новыми чертами жизни и внутренней диалектикой творческого развития самого художника. А вот этой внутренней логики творчества, этой внутренней творческой потребности почти не улавливались в Блге. Они и те же писатели, в одном и том же порядке дефилируют в книге в разных главах, и по совети говоря, не всегда ясно, что же нового возникло в их творчестве и как связано это новое с предыдущим творчеством художника. Трудно улавливать в «Очерке» и художественное своеобразие писателя. Та иллюстративная тенденция, которая чувствуется в книге, лишила авторов возможности всерьез представлять индивидуальное своеобразие писателя. Величезски подчеркивая единство целей советской литературы, авторы слабо осветили многообразие средств, которыми эти цели достигаются.

Две опасности стоят перед нами в изучении советской литературы. Одна из них — увлечение изолированными портретами большого художника, творчество которого якобы развивается вне рамок истории. Но не менее существенная и другая опасность — растерять многогранность, оригинальность, своеобразие крупных мастеров слова в сплошном и трудно различимом потоке книг. Опасность второго рода в «Очерке» весьма реальна.

Мы уже указывали на то, что в «Очерке» довольно широко обрисована картина идейной борьбы в советской литературе, однако иногда эта борьба дана глухо, анонимно, скоромолвкой, только в итоговых оценках, без серьезного анализа существа той теоретической концепции, которую пришлось нашей эстетике преодолевать.

Так, например, мы читаем в «Очерке»: «Обеими активными была группа имажинистов (А. Мариенгоф, В. Шершеневич и др.), призывавшая к оцифровке формы от «силы содержания» и оказавшая крайне вредное влияние на поэзию С. Есенина». Что это за оцифровка формы от «силы содержания», вряд ли будет читателю ясно. Далее выходит, что имажинисты были вредны только тем, что оказали дурное влияние на Есенина. Вспомним, однако, свидетельство Фадеева об этом времени. Объясняя художественные неудачи своих первых книг, Фадеев пишет: «В литературе много мещет тогда сильное влияние школы «имажинистов». Важнейшей задачей художественного творчества «имажинисты» считали изображение необыкновенных сравнений, употребление необыкновенных эпитетов, метафор. Под их влиянием и я старался выдумать что-нибудь такое «сверхестественное». В первой повести и получились много странных образов, фантастических...».

Выходит, что отрицательное воздействие имажинистов было более широким, чем это

представлено в «Очерке». Так вот, не правдивее было бы подробнее раскрыть внутреннюю несостоятельность имажинистских теорий, хотя бы для того, чтобы сейчас не повторялись ошибки и пороки, уже давно осужденные. Не следует забывать, что экстремизм в поэзии и стремление к «шикарному» языку проявляются иногда и по сей день. История нашей литературы, помимо всего, должна быть поучительна и для советских писателей.

Или возьмем другой пример. «В 1931 г., — пишут авторы «Очерка», — рашпокиевские политиканы, спекулируя терминами нашей философии, выдвинули лозунг: «За метод диалекта (?) в литературе». Этот лозунг был неправилен, следовательно, не учитывал специфики литературы, не нацеливал (?) писателя на изучение действительности, на изображение многообразной творческой жизни советского народа». (Подчеркнуто мной. — Л. П.). Что поучител для себя читатель из этой оценки «метода диалектата», сплошь наполненной негативными определениями: «не учитывал», «не нацеливал»?

Авторы «Очерка» стремились избежать вульгаризации, но в некоторых случаях сложные литературные вопросы даны ими все же упрощенно и сбивчиво. Вот что, например, сказано о творчестве Тренева в период гражданской войны: «Творчество Тренева в эти годы характеризуется резкими идейными срывами, отходом от больших социальных проблем современности, разработкой сугубо личной тематики». В набросках к пьесе «Женщина» (январь 1918 г.). Тренев так формулирует идею пьесы: «Самоотречение, его следствие, полнота личности. Пройдя через это горнило личной муки и жертв, сделавшись проческой чиста и свята».

А не кажется ли авторам этих строк, что здесь в неудачной и туманной форме таилось зерно будущей «Любови Провой»? И почему эту запись талантливого драматурга надо расценивать как свидетельство крайних идейных заблуждений?

Очень неслучайно и сбивчиво представлен образ Демьяна Бедного в годы гражданской войны: «Тесная связь с народным творчеством, прекрасное знание русского языка позволили Демьяну Бедному, — читаем здесь, — создать систему поэтических средств, отвечающих богатству и многообразию его тематики и его жанров».

Итак, чего же лучше: тесная связь с народным творчеством, прекрасное знание русского языка — система поэтических средств, отвечающих богатству и многообразию творчества поэта? Или даless: «Стихи Демьяна Бедного несли в массы передовую идеологию революционного рабочего класса. В этом заключалось их основное партийное содержание. Сам поэт определил основную тенденцию своего творчества словами:

Кликну ключ средь мужиков:
Все в ряды большевиков...»

Но тут же, на той же странице, читатель с разбегу останавливается перед следующим изображением:

«Однако уже и в это время давали о себе знать известные слабости художественного метода Демьяна Бедного — неполнота общения жизни, типизация переходов черт характера советского человека, упрощенность формы».

А на следующей странице, говоря о стихотворении «Слушай», автор пишет: «Сержантские вояки нестройной толпой... сапа», — говоря Демьян Бедный в этом стихотворении, приходит и глубоко неправильной позиции в трактовке союза рабочего класса и крестьянства». (Подчеркнуто мной. — Л. П.).

Как же выразится из этих противоречий: с одной стороны, прекрасная форма, отвечающая богатству и многообразию содержания, а с другой стороны, — «упрощенность формы»; с одной стороны, утверждение передовой идеологии революционного рабочего класса и основная тенденция творчества Д. Бедного — идея союза рабочего класса с крестьянством, с другой стороны, — «глубоко неправильная позиция в трактовке союза рабочего класса и крестьянства»?

Наука, в том числе и история литературы, призвана не только констатировать факты, но и объяснить их внутреннюю связь. К сожалению, в ряде случаев «Очерк истории русской советской литературы» не идет дальше констатации фактов.

Недоумение вызывают некоторые частные утверждения. Вот одно из них: «Реалистические тенденции отступают проявляться и в ряде произведений А. Неворова («Дюжон жив», «В глуши», «Андрон Непутевый»), Н. Яшкова («Рассказы о ландшафт»), С. Подьячева и некоторых других писателей, печатавшихся главным образом в журналах «Память», «Красная Армия» и др.

Несколько обобщая можно сказать по своей тематике вышедшая в 1919 г. повесть А. Новикова-Прибоя «Море зовет».

И все! Больше об этом не сказано ни звука! Почему «особняком» — один бот знает.

Не могут не озадачить такие оценки: «Глубоко разрабатывается тема мещанства в поэме «Про это» или: «Роль Шванди — это роль отнюдь не комическая, как она иногда неверно интерпретируется некоторыми актерами, а роль подлинно героическая».

Мы сводить напряженный трагизм поэмы Маяковского к разоблачению мещанства или лишать образ Шванди комического колорита — это значит обесценивать произведение искусства, сделать его беднее, вытравить в нем живые краски.

Можно было бы упренуть авторов «Очерка» и за некоторые другие нечеткие и небрежные формулировки. Суть, однако, не в этом. Изданием первой части «Очерка» сделан серьезный и значительный шаг в изучении советской литературы. Но для того, чтобы довести дело до конца и создать полноценный труд по истории нашей литературы, нужно решить спорные вопросы. Возможно, придется отказаться от некоторых устаревших принципов для того, чтобы представить развитие советского художественного слова во всей полноте, во всем богатстве и многообразии. Авторскому коллективу «Очерка» вполне под силу решить эти большие задачи.

Чехословацкий художественный фильм „Ботострой“

В Министерстве культуры СССР состоялся общественный просмотр нового художественного фильма «Ботострой» производства Чехословацкой государственной киностудии.

Картина создана по одноименному произведению чехословацкого писателя Т. Слатоплуки. В ней рассказывается о чудотворной экспедиции, которая парила на обреченных предпринятиях Бати, борьбе рабочих против капиталистов. Под именем Шефа в картине выведена фигура самого Бати, крупного

промышленного магната, закоренелого врага чехословацкого народа, активно сотрудничавшего во время второй мировой войны с гитлеровцами.

Сценарий — Т. Слатоплука, О. Вапра, К. Валло. Режиссер — К. Валло, оператор — Ю. Вейрхт.

В картине снимались актеры В. Вейраж, П. Скала, В. Бессер, Э. Кубенка, О. Выклен, В. Бемова, О. Сленикова, М. Вацова.

Фильм дублирован на киностудии имени М. Горького. «Ботострой» выходит из московские экраны в ближайшие дни.

Сила каждой писательской организации — прежде всего в том, насколько высока по качеству и велика по количеству ее литературная продукция.

50 членом и кандидатом Союза писателей Эстонии — большой коллектив. Какими бы, такая творческая организация может с избытком обеспечить произведениями единичный в республике литературно-художественный и общественно-политический журнал «Лoomинг» («Творчество») — орган ССР Эстонии. Между тем журнал не может похвалиться ничем особенно значительным.

Недостатки в работе журнала стали особенно вычлукать нынче, когда писательская общественность страны обсуждает итоги Второго всесоюзного съезда писателей, намечает пути дальнейшего расцвета нашей литературы.

Независимое положение журнала зависит прежде всего от слабой творческой активности всех эстонских литераторов. В прошлом году Госиздат Эстонии выпустил всего 8 книг современных эстонских писателей, а в 1954 г. из них — две новые.

О том, как отражается на страницах «Лoomинга» состояние дел в писательской организации, говорит произведение, опубликованное в журнале за прошлый год.

На страницах «Лoomинга» появились за прошлый год три пьесы: «Болотные черты» М. Талвеса, «Близко к истине» А. Каала, «Старый дуб» А. Якобсона. Пьесы различны по своей тематике, и по широте охвата жизненных явлений, и по художественному уровню, но самый факт опубликования трех пьес за год — явление отчаянное.

Вспокоит здесь лишь одно. Первые две пьесы потребовали длительной работы в редакционной комнате. С горечью говорил редактор журнала И. Сикемяэ при обсуждении работы «Лoomинга» на правлении ССР Эстонии о том, что и М. Талвеса и А. Каала принесли в редакцию «снегоплавильную» рукопись, черновики... А Каала уже в ходе редактирования сделал несколько вариантов своей драмы. Видимо, высокая творческая требовательность не стала еще законом для всех драматургов Эстонии.

Менее энергично, чем драматургия, развивается пока что эстонская советская проза — и это, к сожалению, тоже весьма наглядно отражается на страницах журнала.

В 1954 году в «Лoomинге» был опубликован всего один роман — вторая часть «Берега ветров» А. Хинта.

И здесь возникает вопрос: является ли журнал простым зеркалом, отражающим силу и слабость творчества эстонских литераторов, или занимает активную, организующую позицию в литературной жизни республики?

Совместно с правлением союза редакция предприняла некоторые шаги в активизации творческих сил: провела конкурс на лучший рассказ. Из 97 рассказов, поступивших на конкурс, удалось напечатать четыре, в том числе рассказ «Архив Водера» режиссера В. Панно и повесть «Поля» слушателя республиканской партийной школы В. Плуеса. Произведения эти, интересные по замыслу, во многом еще не доработаны, особенно повесть «Поля», автор которой не всегда умеет убедительно мотивировать развитие событий.

Конечно, привлечение молодых авторов — важная задача редакции «Лoomинга». Жаль только, что оба молодых автора больше не работают для журнала. В. Панно, «может быть, напишет, если редакция объявит еще один конкурс», а В. Плуес, написав новый рассказ, отдал его в составленный ныне «Альманах молодых». И то, что журнал не сумел удержать в своем активе этих молодых авторов, тем более досадно, что редакция не забывает планомерно и систематически о ско-

лачивании вокруг журнала авторского актива прозаиков. Впрочем, это лишь часть общего вопроса о планировании и плановности в работе редакции.

Роман А. Хинта шел в печать без предварительного обсуждения членами редколлегии, по мере поступления частей романа в журнал. Такой же излишне кратковременный путь и многих других материалов. В первых двух номерах этого года должен был идти очерк А. Саара. Автор принес первую часть, и редактор И. Сикемяэ, не успев ознакомиться с содержанием с этим интересным критическим материалом, напечатал его в первом номере журнала. Окончание очерка автор все еще пишет.

Без предварительного прочтения членами редколлегии пошла в печать и «последняя заметка» Л. Реммельгаса «У нас и у других» («Лoomинг», № 12 за 1954 г.). Автор старательно доказывает, что «у нас», в Таллине, хуже, чем у других; и планы много, и в центре города прокладывают трамвайные, а не троллейбусные линии, и безобразны гипсовые фигуры, стоящие на обочинах дорог. Но ведь не ради этого написал автор большой — около двух печатных листов — очерк о своем путешествии по Советскому Союзу. Должны же быть в путевых заметках и значительные мысли и вдохновенные описания незнакомых эстонскому читателю городов!

Но автор верен себе. Поехал Симферополь, он считает нужным сообщить: а) город «не вызвал никакого восхищения» и б) «тропуры в Таллине много хуже, чем даже в не поправившемся нам Симферополе».

Посетил Л. Реммельгас съезд писателей Украины. Казались бы, тут-то он и расскажет подробно и красочно о съезде, об украинской литературе. Ведь до сих пор ни один эстонский писатель не счит нужным выступить на страницах журнала с рассказом о съездах братских писательских организаций, хотя эстонские писатели были на съездах в Узбекистане, Таджикистане, в Карело-Финской ССР и в других республиках.

Но и со съезда писателей Украины Л. Реммельгас «вылез» лишь воспоминание о том, что съезд проходил в великом зале заседаний Верховного Совета Украинской ССР, и некоторые цитаты из речей о положительном гоере.

Особое внимание Л. Реммельгас уделяет в своих «последних заметках» эстонской писательской организации. Л. Реммельгас заявляет, что якобы в республике «литература и писатели ругают больше, чем где-нибудь», — это сразу бросается в глаза, когда по трезвому домысл берешься за эстонские газеты. И вот автор обрушивается на людей, «критикующих» (он сразу берет это слово в кавычки) литературу и писателей. Автор отнюдь не пытался разобраться, есть ли что-нибудь справедливое в критике, где, когда несправедливо, некачественно критиковал.

Цель у него другая — оградить от критики Союз писателей и его руководителей (к которым принадлежит и сам Л. Реммельгас — ответственный секретарь правления ССР Эстонии).

Этому же служит и следующий «тезис» Л. Реммельгаса. Он считает, что по вине заведующего «Союзпечатью» тов. Абрамова эстонские писатели не смогли подписаться на все желательные для них журналы. И вот снова заявление: «Ничего еще у нас абрамовского отношения к эстонским писателям». Но обобщение ли это? А может быть, просто недобрый и вредный ярлык?

В прошлом году в журнале были опубликованы интересные произведения, ставшие острыми вопросами борьбы с пережитками в сознании людей: «Ночная» М. Рауда, «Отчаяние» Ю. Смуула, «Осенью жизни» Е. Раннета, «Старый дуб» А. Якобсона, «История одной любви» Э. Мяниина.

Обычно, что рядом с ними мы встречаем в журнале мелкие, плоские заметки, выдвигаемые за правильное изображение жизни. Подобные заметки могут появиться лишь в условиях впади жизни творческой организации. Да так оно и есть в Эстонии.

В прошлом году на страницах «Лoomинга» не только не велось предельно острой дискуссии, но и не появилось ни одной проблемной статьи по назрившим вопросам современной эстонской литературы. Если бы не переписка доклада Ю. Смуула, вряд ли бы можно было вообще узнать, что эстонская писательская организация готовила и проводила свой съезд.

«Последние заметки» Л. Реммельгаса «У нас и у других» («Лoomинг», № 12 за 1954 г.). Автор старательно доказывает, что «у нас», в Таллине, хуже, чем у других; и планы много, и в центре города прокладывают трамвайные, а не троллейбусные линии, и безобразны гипсовые фигуры, стоящие на обочинах дорог. Но ведь не ради этого написал автор большой — около двух печатных листов — очерк о своем путешествии по Советскому Союзу. Должны же быть в путевых заметках и значительные мысли и вдохновенные описания незнакомых эстонскому читателю городов!

Но автор верен себе. Поехал Симферополь, он считает нужным сообщить: а) город «не вызвал никакого восхищения» и б) «тропуры в Таллине много хуже, чем даже в не поправившемся нам Симферополе».

Посетил Л. Реммельгас съезд писателей Украины. Казалось бы, тут-то он и расскажет подробно и красочно о съезде, об украинской литературе. Ведь до сих пор ни один эстонский писатель не счит нужным выступить на страницах журнала с рассказом о съездах братских писательских организаций, хотя эстонские писатели были на съездах в Узбекистане, Таджикистане, в Карело-Финской ССР и в других республиках.

Но и со съезда писателей Украины Л. Реммельгас «вылез» лишь воспоминание о том, что съезд проходил в великом зале заседаний Верховного Совета Украинской ССР, и некоторые цитаты из речей о положительном гоере.

Особое внимание Л. Реммельгас уделяет в своих «последних заметках» эстонской писательской организации. Л. Реммельгас заявляет, что якобы в республике «литература и писатели ругают больше, чем где-нибудь», — это сразу бросается в глаза, когда по трезвому домысл берешься за эстонские газеты. И вот автор обрушивается на людей, «критикующих» (он сразу берет это слово в кавычки) литературу и писателей. Автор отнюдь не пытался разобраться, есть ли что-нибудь справедливое в критике, где, когда несправедливо, некачественно критиковал.

Цель у него другая — оградить от критики Союз писателей и его руководителей (к которым принадлежит и сам Л. Реммельгас — ответственный секретарь правления ССР Эстонии).

Этому же служит и следующий «тезис» Л. Реммельгаса. Он считает, что по вине заведующего «Союзпечатью» тов. Абрамова эстонские писатели не смогли подписаться на все желательные для них журналы. И вот снова заявление: «Ничего еще у нас абрамовского отношения к эстонским писателям». Но обобщение ли это? А может быть, просто недобрый и вредный ярлык?

В прошлом году в журнале были опубликованы интересные произведения, ставшие острыми вопросами борьбы с пережитками в сознании людей: «Ночная» М. Рауда, «Отчаяние» Ю. Смуула, «Осенью жизни» Е. Раннета, «Старый дуб» А. Якобсона, «История одной любви» Э. Мяниина.

Обычно, что рядом с ними мы встречаем в журнале мелкие, плоские заметки, выдвигаемые за правильное изображение жизни. Подобные заметки могут появиться лишь в условиях впади жизни творческой организации. Да так оно и есть в Эстонии.

В прошлом году на страницах «Лoomинга» не только не велось предельно острой дискуссии, но и не появилось ни одной проблемной статьи по назрившим вопросам современной эстонской литературы. Если бы не переписка доклада Ю. Смуула, вряд ли бы можно было вообще узнать, что эстонская писательская организация готовила и проводила свой съезд.

Не заняв активной творческой позиции в период подготовки ко Второму всесоюзному съезду советских писателей, «Лoomинг» до сих пор не приступил к серьезному освещению итогов съезда. На страницах журнала появились лишь статьи Р. Парве «Мысли и заметки». Статья эта — интересная, но, как говорится, одна ласточка весны не делает.

И опять-таки здесь журнал пассивно отражает состояние дел в писательской организации. Почему же журнал не мог быть инициативнее, оперативнее правления, не мог завязать на своих страницах свободную творческую дискуссию по ряду насущных вопросов: о традициях в современной эстонской прозе, о состоянии эстонских жанров, о сатиры и др.?

Но, пожалуй, наиболее первоочередный для эстонских литераторов вопрос — отражение современной действительности в литературе, творчестве писателя в жизни. За последние годы появилось лишь два крупных произведения на современную тему — «Свет в Кюрья» и «Капитаны» Г. Лехерхта; поучительную неудачу потерпел Е. Раннет в своей документальной повести, искажив образы героев для якобы большей «литературности», многие писатели не желают или не умеют работать в очерковом жанре. Показательный факт: в 1953 году в «Лoomинге» помещен лишь один очерк о жизни республики, в 1954 году — ни одного.

Почетный долг писателя — активно воспринять те гигантские преобразования, которые происходят в республике, страстно бороться со всем, что мешает, — и не только с неупорядоченной полнотой улиц или разрушенными тротуарами. Именно такого серьезного, глубокого разговора «инженер человеческих душ» ждет от писателя эстонская общественность. Тем более непонятно, как могло случиться, что интересный, посвященный жизни эстонских рабочих роман Г. Лехерхта «Капитаны» редакция «Лoomинга» не смогла своевременно напечатать, и он был отдан автором в журнал «Знамя»?

Безусловно, в работе «Лoomинга» было много хорошего, чем мы упомянули в этой статье. Есть в журнале и много хороших стихов, о которых мы ничего не сказали, и некоторые другие интересные произведения.

И все-таки подлинная помощь «Лoomингу» сейчас заключается в справедливой и острой критике его недостатков. «Лoomинг» может и должен быть острее, глубже, значительнее.

Для этого журнал нуждается в поддержке и помощи со стороны всего писательского коллектива республики. Правление ССР Эстонии не занимается совсем работой журнала. Год назад на заседании правления обсуждалась работа редколлегии «Лoomинга». Выступавшие — шестью товарищами — говорили о и слабости раздела очерка, и о плохих шрифтах, и о необходимости дискуссии; редактор поблагодарил за замечания, — и на этом все закончилось. Даже решения принято не было. А право же, журнал нуждается в более систематическом и требовательном руководстве.

Характерен и другой факт. С критикой заметок Л. Реммельгаса выступил журнал «Коммунист Эстонии». Не созда нужным откликнуться газета «Сири я васар» — орган ССР Эстонии, не было обсуждения и в правлении союза. Правильно ли это? Помогает ли это журналу? Способствует ли развитию критики и самокритики среди писателей?

«Лoomинг» — журнал всех эстонских писателей, и помогать ему должна вся писательская организация. Только в этом — залог его успешной работы.

Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории начал выпуск «Ученых записок». В первом номере напечатан «Краткий очерк тувинской литературы» О. Саган-оола, Ю. Кюнзгеша, А. Маузервской. Очерк представляет собой сокращенный перевод «Краткого очерка тувинской литературы», вышедшего на тувинском языке в 1953 году. Самый факт выхода в свет «Ученых записок» и первый опыт обобщения истории национальной литературы — большое событие в культурной жизни тувинского народа.

Многие века тувиинцы не имели общенародной письменности. Они получили ее лишь после народно-освободительной революции в Туве. Вместе с письменностью появилась и начала развиваться литература Тувы.

Тувинский народ имеет богатые этнографические традиции. Многообразные древние жанры тувинского фольклора складывались веками и передавались из поколения в поколение, свидетельствуя о большой поэтической культуре народа. Естественно, что первые произведения письменной литературы были тесно связаны с устной поэзией; фольклор был в ту пору первым и основным источником, откуда стала черпать поэтические выразительные средства и приемы молодая тувинская литература. Произведения писателей этого периода мало чем отличались от устно-поэтических произведений. Первые стихи ныне известного поэта Степана Сарыг-оола представляли собой, по существу, записанный на бумагу фольклор.

Два источника питают ныне литературу Советской Тувы: устная народная поэзия и русская классическая и советская литература. Под воздействием их растет и крепнет творчество тувинских писателей. В 1937 году, когда отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина, появились на тувинском языке переводы произведений великого русского поэта. Яркая Пушкинка разбудила больше, не изданные еще возможности, таившиеся в тувинской поэзии, помогла совершенствовать поэтическое мастерство, углубила лирическую и социальную темы.

Великая роль русской литературы и в формировании прозы и драматургии, которые раньше не знал тувинский народ.

Начало существованию прозы в Туве положили рассказы С. Тока и, особенно, его повесть «Слово арата», удостоенная Сталинской премии. Книга написана под очевидным воздействием романа М. Горького «Мать». Прежде всего оно сказывается в том, как С. Тока сумел поднять и разрешить острую социальную тему, увидеть главное, типическое в образах и поступках героев. Талантливо, реалистически убедительно рассказал С. Тока о тяжелом, нищенском прошлом бедняков-аратов, о рождении и возмущении их гнева против чиновников и кулаков, о том, как скрытый протест переходит в активную борьбу.

Молодую тувинскую литературу характеризуют идеи патриотизма, гуманизма, дружбы народов. О новых отношениях людей повествует С. Тока в рассказе «Охота на волков»: старый охотник Маур-Херель передает охотничий опыт молодому пастуху Чамьяну, не боясь соперничества, ибо теплее главное — охрана колхозного богатства, а не личного нищенского хозяйства. Рассказ О. Саган-оола «Дружба» повествует о большой дружбе тувинца-проводника Адар-оола и русского врача Маруси, за-

режиссер Довженко Александр Петрович награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с шестидесятилетием со дня рождения и за плодотворную деятельность в области киноискусства писатель и киноп

стигнутых в горах снежным обвалом и самоотверженно помогающих друг другу.

Вопла в тувинскую литературу и тема рождения и формирования рабочего класса Тувы. В рассказе О. Саган-оола «Нарен из сумона» показано, как арат из глухого сумона, попав в рабочий коллектив, избавляется от мелко-собственнических взглядов и становится передовым активным членом нашего общества.

Постепенно растет и развивается молодая тувинская драматургия. От первых импровизаций тувинская драматургия пришла к созданию многоактных драматических произведений, которые с большим успехом идут на сцене национального театра. Драгаторное воздействие русской драматургии испытали на себе пьесы С. Тока «Тонгур-оола», В. Кюг-оола «Хайрантоот», О. Саган-оола «Чутулук» и др.

«Краткий очерк тувинской литературы» дает в общем правильное представление об истории тувинской литературы. Однако в нем почему-то очень мало говорится о роли и значении огромных богатств народной поэзии, которая является основным источником тувинской литературы, питавшим ее первые ростки и продолжающим питать ее и по сей день. Авторы «Очерка», недостаточно учтывая роль фольклора в формировании тувинской литературы, неправильно расположили материал. Начиная историю тувинской литературы следовало бы не с прозы, как это делают авторы, а с поэзии, ибо именно с поэзии начинается свой путь литература в прошлом бесписьменных или малодписанных народов, каковыми и был тувинский народ.

Вызывает возражения принцип расположения материала по жанрам. На данном этапе развития тувинской литературы, когда создано еще мало произведений, едва ли возможно дать сколько-нибудь законченную историю того или иного жанра. Такое построение работы мешает созданию полного представления о литературном процессе. Кроме того, некоторые тувинские писатели выступают одновременно и как поэты и как прозаики и драматурги. Анализ произведений одного и того же писателя в нескольких главах по жанрам не дает должного представления о всем творческом пути писателя, о его индивидуальной писательской манере. Так, например, творчество Степана Сарыг-оола и Олега Саган-оола раздроблено по трем главам, и это не дало возможности авторам раскрыть творческий путь писателей в развитии и показать органическую связь их творчества с жизнью Советской Тувы.

В «Очерке» очень мало говорится о художественно-поэтических особенностях произведений и мастерстве писателей. Почему-то почти ничего не сказано о таком важнейшем факторе в истории любой советской литературы, как художественный перевод, хотя в издании «Очерка» на тувинском языке ему посвящена целая глава.

Говоря об этих недостатках «Очерка», мы отнюдь не хотим умалять его значение для тувинской литературы. Выход из свет этой работы радует нас прежде всего потому, что он говорит о зарождении тувинского литературоведения и критики.

Тувинская литература еще очень молода, в ней много еще незрелого. Но много в ней и молодых сил, перед ней открыта широкая дорога в будущее. Залог успешного развития молодой литературы — помощь и поддержка, оказываемые нашей партией, Советским государством всей нашей многонациональной советской литературе.

Награждение писателя и кинорежиссера Довженко А. П. орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с шестидесятилетием со дня рождения и за плодотворную деятельность в области киноискусства писатель и кино

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ 1954 ГОДА

Литература вторгается в жизнь

1. ПРЕДСЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

3. КЕДРИНА

Проза 1954 года была полемичной. По сути дела, вся литература 1954 года (в том числе и прежде всего проза) являлась горячей предсеэдовской трибуной. Эта дискуссионность предсеэдовской прозы сложилась прежде всего как отражение больших событий и новых явлений действительности. Решения партии по вопросам укрепления народного хозяйства, призыв к борьбе против самозанятости и народного благодушия, к усилению критики и самокритики, определившие поступательное движение нашего общества, новые успехи в развитии индустрии и сельского хозяйства, науки и культуры, дальнейшее укрепление мощи Советского государства, выразившиеся в таких великих делах, как подъем целинных и залежных земель, — все это обусловило новый подъем общественной активности. Широкие движения добровольцев на целинные земли, весточные в своей повседневной простоте трудовые подвиги советских людей обнаруживают черты нового, трогательно укрупнившегося в массах. Это то черты, которые составляют типический характер «великого маленького человека», создателя и борца, героя нашего повстанного нового времени. Дальнейшее разрывание борьбы за мир, охватившей весь земной шар, усиление лагеря мира и демократии несомненно обогатили рядового советского человека, ставшего не только своего рода общественным деятелем в трудовом творчестве, но и деятелем в области международной политики. Общественный доверием трудящихся за рубежом, он стал знаменосцем в борьбе за мир и подлинную демократию. Все эти факты нового в нашей жизни получали свое отражение в литературном процессе.

Нельзя думать, что отражение жизни в искусстве непосредственно прямолинейно. Разумеется, в 1954 году не могли еще появиться романы, изображающие, скажем, жизнь и быт советских людей на целинных землях. Разведка нового материала действительности производилась средствами более подвижных жанров: очерка, рассказа, стиха. И не случайно, может быть, в первом ряду очерков здесь оказались и поэты (например, В. Солоухин или И. Сельвинский), давшие интересные и острые образцы творческой

разведки нового в жанре прозаического очерка. Именно поэту Солоухину удалось в весьма уютной форме показать общую картину борьбы за целину, передать конкретные признаки, стремительный темп этой борьбы и черты массовости, естественной повседневности самоотверженного подвига советских людей, черты трудового героизма, превратившегося из исключения в правило. Однако атмосфера подъема общественной активности, широкого разрабатывания критики и самокритики, направленной против всякой закорючки и приукрашивания действительности (в какой бы области это ни проявлялось), отразились в нашей литературе в виде настоящих поисков углубления реализма, за последние годы в известной мере ослабленного бесконфликтностью. В литературе шла борьба против схем и догмы во имя того, чтобы с наибольшей силой выразить характер советского человека, рассказать правду о нашей жизни, утвердить достижения и разоблачить недостатки и тем самым помочь партии и народу продолжать преуспевать на пути движения к коммунизму. И предсеэдовская дискуссия в критике стала только отголоском того, что происходило в конкретной литературной практике.

Раздавались голоса, утверждавшие, будто дискуссия о положительном гоере была схоластичной, — нет, она отражала противоречия в искусстве, но не исчерпала глубины его насущных проблем.

2. ЗАДАЧА — ВТОРЖЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Вокруг «Оттепели» было много спорной и кипевшей страстей, ибо в этом произведении так ясно выразилась сила полемичности, подчас заслонившая от художника самые образы и обобщения. Так и кажется, что автору неважно, как, с какой силой художественной достоверности повелось Журавлеву, важно, что он направил против плохого руководителя и выставляет, как антипод традиционному для нашей прозы положительного героя-руководителя. Считая, очевидно, что таким образом он

борется против закорючки в литературе, автор как бы стремится, минуя марксистские ступени парадного, ввести нас в действительность через черный ход.

Мы ни минуты не сомневаемся в том, что автор руководствуется стремлением помочь обществу в борьбе с отрицательными явлениями жизни, высказав правду о ней так, как он ее понимает. Вопрос заключается только в том, что она, эта правда, не в маломом восприятии и не на черном фоне, она имеет целостное, всохватывающее зрение, и даже сосредоточиваясь на одной стороне действительности, не перестает видеть перспективы ее развития. И мы всецело любим нашего положительного героя — от Левинсона и Глеба Чумалова до Травкина и Батманова — отнюдь не за «слабость», мы любим их как людей, безразлично и охотно подымавших на свои плечи самую трудную ношу эпохи, не убоившихся ни грязи, ни крови, не наживших самой жизни своей для того, чтобы народ мог подняться по маршированным ступеням в прекрасный дом своего будущего.

И нас огорчает в «Оттепели» не то, что там, например, показан плохой руководитель (руководители плохие бывают, и показывать их в литературе надо). нас огорчает, что И. Эренбург не показал самой борьбы, что Журавлев, вместе с недобрым для жизни бараклами, сметен стихий урагана, а не усилиями положительных лиц, бездействующих в «Оттепели». нас огорчает не показ отрицательных явлений, как таковых, а потеря реальной жизненной перспективы, реального соотношения жизненных явлений. Ведь обобщения правды века не в пассивном неирригировании героев, оживающих от внешнего ветра (как это показано в Коротево, Соловьевом, Шерер и др.), а в борьбе народа как коллектива, в разрывании критики, в той ожесточенной схватке нового со старым, которая показана и на страницах романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», и на страницах романа Л. Гринина «Искатели».

Разоблачение Виктора Итаненко в «Искателях» убедительнее, чем разоблачение Журавлева в «Оттепели», потому что оно происходит в борьбе героев — антипадов и новаторов с этим карьеристом и обидчиком. Именно борьба Лобанова с Итаненко со всей очевидностью обнаруживает предвзятость для нашего общества этого антипода и критического реализма, потому что личный интерес заслоняет от него интересы общества, а не только не дает возможности полноценно использовать положительные производственные качества

Виктора, но обращает его опыт и способности в ущерб общему делу: людям, производству, общественной морали.

И. Эренбург в нуды полемике ориентируется за привычное свое поэтическое оружие, никак не пытаясь обновить его, привести в соответствие с новым, сугубо бытовым материалом. Его отрывистая, напоминающая быструю смену кинокадров манера всецело оправдывала себя тогда, когда необычайно широкий эпизодический материал, отражающий стремительно движущуюся мировую историю на пространстве чуть ли не всей планеты, настоятельно требовал предельного уплотнения формы. В «Оттепели» эта манера оказывается, однако, мало пригодной, ибо здесь требуется углубленное раскрытие психологии немощи рядовых людей в нетронутом течении повседневной действительности. Здесь нужны не конденсированные социальные типы полных общественных сил эпохи, а индивидуальные характеры людей одного социального слоя, а потому отценки психологической, детализация личных черт приобретает сугубое значение.

Совершенно иначе полемизирует с закорючкой В. Некрасов, оснащая свою новую повесть всеми средствами богатой художественной палитры, всеми красками добротной реалистической живописи. Образы его повести выписаны тщательно и подробно. Краски этого произведения великолепно соответствуют его материалу. Повесть написана своеобразно, ярко — и уже противостоит многим и многим произведениям, авторы которых, обобщая лишь тем, чтобы выговорить — безразлично как — важную тему, считают заботу о художественной форме малозначительным узлом формализма.

В Некрасов широко полемизирует с традиционной трактовкой темы возвращение фронтовика. Приходит фронтовик в запущенное свое село, учреждение, цех и, вооруженный богатым опытом Отечественной войны, вновь налаживает свою жизнь и общественное хозяйство. В схематическом перекасе это выглядит, с одной стороны, в основе своей типичным, то есть характерным, верным жизненной правде, а с другой стороны, может быть, несколько тревожно однообразным. На деле же все решают конкретные илюзно-образные воплощения темы. Возвращение фронтовика в родное изображает и Гале Лехерхта в повести «Свет в Кюрья» и Галина Николаева в «Язвях». Но и подруг авторов этих романов в жизненной судьбе своих героев, и поэтические средства, которыми они пользуются, кажутся бы, общую тему, совершенно своеобразную.

В Некрасова прежде всего интересуют не

организаторская роль фронтовика в жизни тыла, а те трудности, которые приходится в его личной судьбе. Герой В. Некрасова (и это подчеркнута) рядовой «маленький» человек. На фронте он потерял здоровье, а вместе с тем и житейскую почву, даже самую профессию. Жена его не дождалась дома у него нет, перспектив никаких — все надо начинать сначала. И даже до понимания того, что его житейское замешательство и страстная тоска о фронте, боевых товарищах есть, по сути дела, своеобразное «прижизненное» замешательство, надо добить ценой многих страданий.

Виктор Некрасов напоминает нам об одной из наименее замеченных нашей литературой сторон тыловой жизни, о тяготах повседневных и вязких, о людях, еще не сложившихся, с трудным характером и несладкой судьбой. Он стремится показать им выход, найти место под солнцем, наметить путь вперед, и это добрая, человеческая цель. Но эта цель, поставленная полемически, является от автора реальной расстановкой сил в нашем обществе. Единственная организованная, активная сила, которую писатель увидел рядом с Митяевым, Ершовым и другими более или менее неустрашенными духовно и физически людьми, это долговечный в своей рядыношности устойчивый подвиг Чекушев. Этому чудю в повести противостоит лишь стихийно-природный элемент в меру своих способностей человек, которым автор великодушно прощает их грехи, грешки и чудачества: слабые, а жить-то надо!

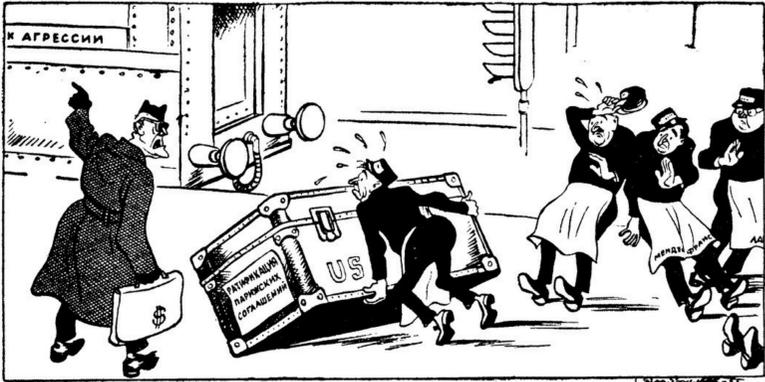
Оригинальное и организованное коммунистическое начало нашей жизни — люди смелые, сильные, самоотверженные борцы и победители — все это принципиально оставлено писателем за рамками повествования. Условная фигура «положительной» Вали и ее трагичная доброжелательная — мама-бибикарка никак не соответствуют масштабу и роли организующего начала в нашем обществе.

Нельзя определить полемике в образах, широко развернувшись в прозе 1953—1954 года, как явление внутривидового характера. Нет, это был спор о наилучшем решении задачи вторжения в жизнь, о понимании действительности и о способах борьбы за новое в ней. Для литературы и литераторов этот спор был не менее жизненно важным и актуальным, чем для работников дискуссии о системе земледелия, а для индустриальных — о способах добычи нефти. Поэтому-то полемический и бесконфликтный критический пафос довольно широко проявился в творче-

стве целого ряда писателей. В значительной мере именно он был оценен критикой, как положительная особенность творчества В. Овечкина, А. Калинин, В. Тендрякова, выступивших в 1952—53 г.г. со своими произведениями, в которых была смело вскрыты средства литературы недостатка районного руководства. Появившись в большинстве своем накануне исторических решений партии по вопросам сельского хозяйства, произведения эти были справедливо оценены нашей общественностью как факт плодотворного вторжения литературы в жизнь, как факт реальной помощи искусству партии и народу в борьбе за построение коммунизма. В нуды предсеэдовской полемике некоторые товарищи пытались сделать этих писателей как бы знаменем «разоблачительной тенденции», как таковой. Однако сторонники «чистого» разоблачения совершенно упускали из виду то обстоятельство, что «оскорбление зла» отнюдь не было для этих писателей самоцелью. В своих произведениях, прямо и недвусмысленно указывая, чему и кому должно уступить дорогу разоблачение или отрицательное, они убедительно вскрывают перспективу общественного развития. Положительное начало не только проявлено в их произведениях как ясно ошутчивая тенденция, но и воплощено в конкретных персонажах: рядом с Борзовым выступает Мартынов, рядом с Панкратовым — Роден. И активное положительное начало здесь сильнее отрицательного, потому что ограничение для народной жизни и наших общественных устремлений. Характерно, что в своих работах 1954 года писатели эти увеличили удельный вес и силу своих положительных образов. Разумеется, не процентное соотношение положительного и отрицательного, а самый угод зрения определяет позицию авторов: не зло само по себе, а борьба нового со старым интересует этих писателей. Например, в повести В. Тендрякова «Не ко двору» пережитки старого живут и цепки и просто так они не уйдут. Они воплощены и в доминирующем частновладельческом укладе Ринных и в бюрократической пошлостью «справедливости» Инны Глазковой. У В. Тендрякова, так же как и у В. Некрасова, трудности борьбы ввязаны и вязки, а борьба с ними сложна и тяжела, тяжелее даже, чем в «Рожном городе», ибо зло здесь более настойчиво, активно и не приходит в замешательство, как Чекушев, от первой ослухи и

ФРАНЦУЗЫ НЕ ПРЕКРАТЯТ БОРЬБЫ!

Флоримон БОНТ

Пассажир торопится, носильщики надрываются

Рис. Бор. Ефимова

Всего несколько дней назад в Люксембургском саду, где возвышается величественное здание Совета республики, еще падал крупными хлопьями снег. Сейчас уже начинается теплота. Погода ясная, светит солнце, и ласковый ветерок, овеивая лицо, возмещает о наступлении весны. Ребятышки под бдительным оком матерей снова весело бегают по лужайкам, где шепчут и спорятся стайка очутившихся от зимнего оцепенения воробьев. По аллеям кочуют с добродушно-покровительственным видом сторожа, инвазивцы двух войн.

У главного подъезда Люксембургского дворца на улице Медичи, неподалеку от театра Одеон, где каждый вечер восторженная публика приветствует актеров Дома Мольера (группа «Комеди Франсез»), царит сейчас необычное оживление. Здесь собираются большие группы людей. Это отнюдь не простые посетители, а народные делегации, прибывшие из различных кварталов Парижа и его предместий и даже из самых отдаленных городов и сел Франции. Их привели сюда прения по ратификации злобных парижских соглашений в Совете республики.

Председатель Совета министров Эдгар Фор и министр иностранных дел Антуан Риньо проявили крайнюю настойчивость. Они прибегли к давлению, маневрам, всевозможным уловкам и под угрозой недовольства и даже возмездия со стороны Соединенных Штатов и Великобритании добились того, что обсуждение не было отложено «ни на пашу, ни на тропицу». Сторонники парижских соглашений во Франции торопятся. Но перед ними — не легкая задача. В апреле предстоят канональные выборы во Франции. И сенаторы знают, что если они проголосуют за ратификацию парижских соглашений, то народ не простит им того, что они представляли в распоряжение кровавых наемников германского милитаризма мощные армии, которые рано или поздно повернутся против Франции.

Тому же члены Совета республики встревожены недавними прениями в боннском бундстаге. Выступиле Аденауэра по вопросу о Сааре показало, что США и Англия относятся к торжественным гарантиям и обязательствам, как к ключу бумаги. Правда, господам Фору и Риньо удалось добиться отклонения оговорок и поправок к парижским соглашениям соответствующими комиссиями Совета республики; они большинством голосов высказались за ратификацию военных соглашений. Но до конца еще далеко. Прения разнутся сейчас на открытых пленарных заседаниях сената. Даже в недрах различных группировок и фракций самих буржуазных партий существуют глубокие разногласия, выдвигая газету «Мон» написать, что «было бы рискованно делать прогнозы в отношении результатов голосования».

В последнее время французские трудящиеся, обеспокоенные угрозой своей родне, усилили борьбу против планов возрождения вермахта. Правительство Фора-Риньо отнюдь не может быть уверенным в успехе своих планов. Трудности еще велики, ибо французская общественность не хочет мириться с политикой, угрожающей национальным интересам Франции.

Такие видные сенаторы, как Торре (МДФ) и Лео Амю (бывший член МРП), публично предостерегли Совет республики против ратификации парижских соглаше-

Литература вторгается в жизнь

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

первой пламенной речи своего антипода. Но и положительное начало, воплощенное в Федоре Соловейкове, в председателнице Варваре, неизмеримо сильнее, а, главное, органичнее. Федор Соловейков противопоставит и родичам своим Рязкинским и сухому бюрократу Глазыховой действительности и некоему потому, что социальное отношение к жизни для него само собой разумеется. Он так же не может примириться с частнособственническим бытием в доме своей жены, как не может примириться с показной моралью Глазыховой, для которой буква семейной морали дороже, чем истинная сущность общественных отношений, в силу которых данная конкретная семья распадется. И художественная сила изображения положительного начала в повести В. Тендрякова такова, что мы верим безоговорочно в конечную победу Соловейкова, для которого примирение с чуждым миром прошлого невозможно так же, как невозможно прекращение дыхания.

Вот эта-то непримиримость авторской позиции к пережиткам прошлого и отличает идеальную позицию В. Тендрякова (а также и В. Овечкина и А. Калинин) от позиции В. Некрасова. И тот и другой правдиво показывают неприкрытые трудности общественного процесса, силу и живучесть пережиточных авиаций. В центре показа тут и там радыевые, обыкновенные, так называемые «маленькие» люди. Но если у В. Некрасова проявляется тенденция к оправданию уступок героев трудностям жизни, неустоячивости их общественной позиции, то В. Тендряков прощает некому и нечего: силы прошлого ему неизменно враждебны и нетерпимы, в ком бы и в чем бы они ни воплощались. А его положительные герои в главном — в отношении к борьбе за коммунизм — сильны и безупречны, как сильны и безупречны в этом плане и Левинсон, и Чумалов, и Травкин, и Батманов.

Умение изображать жизнь с высокой боевой задачей содействия победе нового, в единстве борьбы противоречий, составляющих исторический процесс, определяет ясность идеальной позиции В. Овечкина и В. Тендрякова. А потому и художественная мотивировка победы добра в их произведениях

ГОРОДА И ЛЮДИ

1. Неиссякаемые ключи

Цзинань — это удивительный город. Остановившись на улице и слышишь, как под ногами журчит вода. Кажется, там внизу огромное проточное озеро, покрытое толстым слоем земли. Во многих местах города вода вырывается наружу и бьет фонтаном. Семьдесят два фонтана!.. Достопримечательностей в Китае много, особенно в провинции Шаньдун, где и находится Цзинань. Именно здесь, в Шаньдуне, находится знаменитая гора Тайшань. В китайском народе говорят: «Только след не может видеть горы Тайшань». Вблизи этой горы стоит город Тайнань, один из самых древних на всем земном шаре. Возникновение его относится к временам создания египетских пирамид. В Шаньдуне же — усадьба, где жил и умер знаменитый китайский философ Конфуций. Всего не перечислишь...

Мы шли узкой улочкой, где по обе стороны тянулись серые высокие стены. Вскоре перед нами открылись ключи. Вначале мы увидели четырехугольный бассейн, в который спускались каменные ступеньки. Это были ключи. Они шли до самого дома, и каждая из них была настолько отчетливо видна, что казалось, ступеньки залиты не водой, а окружающим воздухом. Посредине бассейна кипела вода, как будто там стояла огромная жаровня и беспрерывно вырывалась на поверхность раскаленные водяные свистки. То тут, то там со дна бассейна поднимались светлые пузырьки, напоминавшие жемчуг.

Но больше всего мне запомнился ключ, который вырвался из-под земли на целый метр и бился, ритмично сжимаясь и разжимаясь, как человеческое сердце. Сколько веков оно здесь бьется, это огромное сердце?..

Городу более двух тысяч лет. За это время под его стенами успела исчезнуть одна река — Цзиншуй и появиться другая — Хуанхэ. Дважды он побывал в руках японских захватчиков. Его грабили и душили, в его домах и на улицах свирепствовали гоминдановцы. Город много раз загорался мутные воды Хуанхэ, почти ежегодно город его сжимали страшные руки голода. А это огромное сердце все билось и билось, ни разу не замирая и не останавливаясь.

Все семьдесят два ключа выпадают в городское озеро Дамин. Они приносят туда свою хрустальную воду, земную свою красоту.

Озеро очень красиво. На небольшом искусственном острове есть беседка, в которой более одиннадцати веков тому назад знаменитый поэт Ду Фу написал гимн озеру Дамин. Этот гимн бережно воспроизведен золотыми иероглифами на огромной доске и хранится до сих пор... О предке Ду Фу в Цзинань рассказывал местный писатель Тао Дин, автор книги рассказов «Шанпань» — «Подниматься выше». Мы сидели с ним на острове, около записей Ду Фу, и Тао Дин, любящий розоватыми лотосами, увлеченно рассказывал о Ду Фу и о своих знаменитых земляках-шаньдунцах: о поэтах и писателях своего народа, о поэте Ли Цин-чао, авторе книги «Шуйдун». Она жила в годы 1081—1140. Дом ее не сохранился, но цзинаньцы знают, где он стоял.

Рассказывал Тао Дин мне и о предводителе шаньдунских богатейшей Цинь Шу-бао, жившем много веков тому назад во времена танской династии.

Сохранились в Цзинань и памятники героических походов легендарного народного полководца Ю Фая, который сражался в XII веке против иноземных поработителей.

А вот факты новейшей истории: студенческие демонстрации против японских империалистов, первые марксистские кружки, восстания народа против гоминдановцев, революционные базы в горах Шаньдун, освобождение полуострова... Да, никогда не переставало биться в Цзинань могучее сердце... Сердце вольнолюбивого, здорового, талантливого народа. На следующий день я смотрел на Цзинань с горы, расположенной к юго-западу от города. Над Цзинанем дымилась труба. Где-то внизу работали огромные силосные станции. Гора, казалось, чуть вздрагивала. Город с шестисоттысячным населением напоминал корабль, отправившийся в дальнее плавание.

Как интересно было бы встретиться хотя бы с некоторыми его «пассажирами». Куда они едут, какие у них думы? И пошел на станкостроительный завод № 2.

Бывает так: заходит человек в чужую семью в счастливый ее час, видит веселые лица людей, приветливые глаза, чувствует теплоту их рук, и как бы мало ни был с ними знаком, сам незлобно наполняется их счастьем.

В такой именно час я зашел в заводской двор. Навстречу мне вышел заместитель директора Ю Чжао-ци, секретарь парткома Цзян Чан-це, председатель фабкома Ли Цяо-хун, рабочий отличник труда Сю Фу-ли. Четверо улыбающихся людей заговорили, наперебой что-то говорили. Тот, что был ближе всего, подхватил меня под руку и пригласил куда-то пойти.

— В приемную, — пояснил переводчик. На низеньком столе в приемной дымился в чашках желтый чай, на блюдечках лежали распечатанные пакеты сигарет. Заместитель директора, взяв в руки лотос, на котором, очевидно, были записаны сведения о заводе, спросил:

— Вы, наверное, думаете, что этот завод был станкостроительным и при гоминдановцах?

И этого не думал, так как буквально ничего о нем не знал.

— Так вот, до освобождения он изготовлял пушки. Но это только так говорили. Он производил всего лишь отдельные детали к пушкам и представлял собой, в сущности, ремонтные мастерские.

Цзинань освобожден в августе 1948 года. Через несколько дней из старых революционных баз приехали сюда рабочие, были привезены станки. Мы ремонтировали оружие для армии и производили пушки. Фронт продвинулся далеко на юг, и правительство предложило заводу перейти на мирную продукцию.

Первый станок выпустили в мае 1953 года. Скоро их было изготовлено уже несколько десятков. Это — событие огромное: в Китае появилась отечественная станкостроительная промышленность! Буржуазная печать Запада, конечно, замолчала это. А прислужники американских империалистов — чкальщики забросили в Цзинань своего агента для вредительства на заводе. На первых порах ему удалось войти в доверие, и он даже был избран рабочими своим старостой. Однако вскоре его разоблачили. Несколько месяцев тому назад на заводе поймали еще одного вредителя, который хотел сжечь всю электропроводку и моторы станков.

Председатель завкома Ли Цяо-хун, человека спокойного и на первый взгляд даже меланхолического, я спросил о трудно-стях.

— Трудности?.. Были! И уже в самом топе я почувствовал гордость. Не потому, что трудностей больше нет. Гордость тем, что рабочие сломали напор вредительства, успешно выдержали экзамен классового боя.

Председатель завкома, а потом и секретарь партийного комитета Чжан Чан-це долго рассказывали мне о рабочих, о росте их заработка, о том, что сейчас каждый имеет одежду из хорошей ткани.

Рабочие почувствовали себя хозяевами завода. Они изучают опыт советских рабочих Колосова и Быкова, чтобы повысить

Памяти Петра Андреевича Заломова

Скончался Петр Андреевич Заломов. С юных лет Петр Андреевич посвятил свою жизнь революции. В 1901 году в Нижнем-Новгороде был создан комитет РСДРП, в который вошел и П. А. Заломов. В 1902 году была проведена известная перемаянская политическая демонстрация в Сормове. П. А. Заломов был знаменосцем этой демонстрации. В. И. Ленин горячо приветствовал выступление сормовских рабочих.

Великий Горький, который был тесно связан с нижегородской социал-демократической организацией, высоко ценил героизм Петра Заломова и его матери — Анны Кирилловны Заломовой. Роман «Мать», в котором наша художественное отражение славная борьба рабочего класса, стал любимым произведением мирового пролетариата. В сознании народа образы Павла Власова и Нилыны навсегда связаны с именами Петра Заломова и его матери. В 1949 году, связи со 100-летием Сормовского завода, Советское правительство наградило Петра Андреевича, как одного из активнейших участников революционного движения в Сормове, орденом Ленина.

В дни первой русской революции Петр Андреевич участвовал в подготовке московского вооруженного восстания и сражался на баррикадах Пресни.

С барьеров дней советской власти Петр Андреевич Заломов принял участие в строительстве социалистического общества. Последние годы своей жизни, будучи тяжело больным, П. А. Заломов не оставлял общественно-политической деятельности. «Из искры возгорелось пламя», — писал он в 1950 году. — Трудовой народ стал хозяином своего труда и хозяином всех богатств земли!.. И никакие поджигатели войны, никакие разбойники-атомщики нам не страшны. Наша сила — крепче.

Светлая память о Петре Заломове, человеке героических подвигов, будет воодушевлять борцов за свободу, мир и социализм.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

***

В Москве, в доме на Дорогомиловской набережной, прошли последние лет жизни Петра Андреевича Заломова. В этот дом до последнего времени из разных концов страны приходили письма, главным образом от советской молодежи. Заволнованные образцы Павла Власова из повести Горького «Мать», юные авторы писем просили Петра Андреевича научить их быть героями. И Петр Заломов писал им: «Высшим счастьем нашего и вашего поколения является борьба за коммунизм и самой прекрасной смертью является смерть в бою за это...»

В 1928 году Петр Заломов тяжело заболел. Полагая, что у него неизлечимая болезнь, он написал завещание, которое просил передать Обществу политкортежа. Вот что там говорится: «Я такой же как все, как миллионы и всю жизнь был только чернорабочим революции, но я умираю и шлю вам свой завет: всеми силами храните и защищайте чистоту Ленинского учения, всеми силами храните и защищайте единство партии, не жалейте своего мозга, своих мускулов для поднятия производительности труда, для развития индустрии...»

Это завещание было прочтено вчера на гражданской панихиде в Институте мировой литературы Академии наук СССР. Здесь собралась родня, близкие, друзья и земляки покойного — старые большевики, участники первых перемаяских демонстраций в Сормове и Саратове, представители сормовских рабочих, трудящиеся Суджанского района Курской области, где более тридцати лет жил П. Заломов, Союза писателей СССР, работники музея Революции, Института мировой литературы Академии наук СССР и другие. Они говорили о роли Заломова в движении сормовских рабочих, о его участии в строительстве коммунизма.

Вчера днем состоялась кремация.

Кому нужны такие «воспоминания»?

Принцип «кто старое помянет — тому глаз вон» не распространяется на внешнюю политику. Во взаимоотношениях между странами не грешно, а полезно иной раз проанализировать дела минувших дней. И нет ничего предосудительного в том, что финские газеты посвящают ряд статей пятнадцатилетнему годовщине от окончания так называемой «Зимней войны» 1939—1940 годов между Финляндией и СССР. Однако некоторые буржуазные газеты использовали памятную дату как повод для разжигания воинственных настроений. Неточность и объективность, а фальсификация и бичующий в нос запах ревизионизма обнаруживаем мы в статьях таких газет, как «Кансан лехти», «Амудехти», «Ууси суоме» или «Хельсинки саномат».

Сказав правду о войне, правая печать изображает Финляндию жертвой нападения со стороны Советского Союза, утверждает, будто Финляндия не хотела войны и пыталась соблюдать политику нейтралитета. Старые, давно разоблаченные басни! Документально доказано, что Финляндия толкнула на войну 1939—1940 годов империалисты Запада и тогдашние реакционные правители страны. О нейтралитете Финляндии в ту пору всерьез гово-

«ФОРИН РИПОРТ» ЗАПУГИВАЕТ ФРАНЦИЮ

Завтра Совет республики Франции начнет обсуждение вопроса о ратификации парижских соглашений. За океаном и по ту сторону Ла-Манша сторонники возрождения германского милитаризма не скрывают нервозности. Англо-американские пропагандисты подстрекают французских сенаторов, пытаются запугать их, создать ощущение безысходности. Вермахт все равно будет сформирован, утверждает реакционная печать США и Англии, так или иначе. С участием или без участия Франции. Если французы будут упорствовать, то обойдутся без них. Так прямо и пишут обозреватели американских и английских газет и журналов.

На днях влиятельный английский журнал «Форин рипорт» поместил статью, которая является наглядным примером

беззащитного нажима на Францию. «Западный союз — без Франции» — гласит заголовочная статья. «Английские и американские руководители угрожают журналу своим французским «союзионам», — пишет Франция своими бесконечными отсрочками губит план создания европейского союза. Слишком серьезные опасения вызывает нового вакуума, еще более опасного, чем тот, который пришлось поспешно заполнить после провала планов создания «европейского оборонительного сообщества».

Что же намерены предпринять правящие круги США и Англии? «Форин рипорт» с явным шантажистским намерением сообщает, что в настоящее время изучается план создания «западноевропейского

союза» без Франции. «Этот план», — пишет журнал, — называют «политикой пустого стула». Данный план исходит из необходимости применять тактику крутых мер. Наменовение заставить французских политических деятелей проникнуться чувством ответственности не ново, однако до сих пор ограничивались устными предостережениями.

Мы так подробно процитировали высказывания «Форин рипорта», чтобы показать, каким языком уже сейчас в Вашингтоне и Лондоне разговаривают с Францией. И это

Журнал имеет в виду письмо Черчилля Мелле-Франсу от 12 января, в котором британский премьер писал: «Если ступ Франции на международном совещании останется пустым, его займут другие нации».

Статья в английском журнале дает весьма серьезное поразмышление тем французским политическим деятелям, которые с глубокомысленным видом рассуждают о возможности укрепления международных позиций Франции в случае подписания парижских соглашений...

Производительность труда

За три года внесено около двух тысяч рационализаторских предложений. Семьсот пятьдесят из них приняты. Слесарь Лю Цзин-сян по собственным чертежам создал шлифовальный станок, который до этого никогда в Китае не производился.

Есть чему порадоваться, есть что рассказать советскому товарищу. Но в день моего прихода на завод, как я почувствовал в первую же минуту, здесь произошло еще что-то.

Наконец, я не выдержал и спросил: — Что же у вас сегодня произошло? Уж очень вы веселые.

Переводчик едва успел пересказать мои слова, как сразу же на них отозвался все мои собеседники, даже молчаливый до этого токарь Сю Фу-ли.

— Да мы же сегодня, — ответил он почти хором, — закончили изготовление нового опытного станка.

— Какого?

— Сибирского, — сказал заместитель директора.

Здесь, на берегу Хуанхэ, освоено производство станков, которые создаются в городе на Оби — в Новосибирске. Мой молодой родной город присла, оказывается, древнейшему китайскому городу чертеж станков, которые он выпускает. И вот по этим чертежам сегодня закончено изготовление опытного образца.

Я захотел немедленно взглянуть на место земляка. Работа в цехе закончилась, и все станки были закрыты брезентовыми чехлами. Показав в правый угол, Ю Чжао-ци сказал:

— Вот он! Станок был так велик, что потребовалось подставить лестницу, чтобы разглядеть чехол на его гребне. Брезент упал, как это бывает при открытии памятников, и перед нами предстал сильный, мускулистый великан. Он был копией продольно-строгольных станков, производимых Новосибирским заводом. Я был на этом заводе и в свое время писал о нем. Он строился в тяжелые годы Отечественной войны. Один из представителей американских союзников, побывавший тогда проездом в Новосибирске, не советовал тратить деньги, так нужные для войны.

— Станки, — сказал он, — может подставить нам Америка. Страна наша слаба, чтобы построить завод в невероятно тяжелых условиях. В Сибири вступил в строй один из крупнейших станкостроительных заводов. И вот теперь он протянул руку дружбы Китаю.

Вернувшись в приемную, я попросил токаря Сю Фу-ли рассказать свою биографию.

Сю Фу-ли родился в деревне. Маленький Сю едва научился ходить, когда солдатами северных милитаристов был убит его дед; едва мальчишку исполнилось десять лет, погиб его отец от осколков японской бомбы, а через два года гоминдановские агенты убили мать. Подросток Сю Фу-ли начался на завод.

Сейчас Сю Фу-ли член Коммунистической партии Китая, отличник труда, инициатор использования советского опыта скоростного резания металла, изобретатель.

— Я знаю, — сказал мне токарь, — что работаю для счастья своего народа и что труд — слава.

Сю Фу-ли — новый человек народного Китая. Он создает заводы, строит машины. По этому курсу — социалистическому индустриальному курсу — идет и цинаньский корабль...

...Возвращаясь с завода, я снова увидел так поразивший меня ключ. Вырвался из-под земли, он поднимался на целый метр, ритмично сжимаясь и разжимаясь, как живое, вечное сердце.

С. КОЖЕВНИКОВ, постоянный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН. Март.

Высшие литературные курсы Союза писателей

при Литературном институте имени А. М. Горького объявляют прием слушателей.

На курсы принимаются только члены Союза писателей. При заявлении необходимо представить рекомендацию местной писательской организации, автобиографию и личный листок, документ об образовании, справки о состоянии здоровья и семейном положении, а также список опубликованных произведений и критических статей о своем творчестве.

Заявления принимаются до 15 апреля 1955 г.

Срок обучения два года. Слушатели обеспечиваются стипендией и общежитием. Начало занятий 1 сентября.

Адрес: Москва, Тверской бульвар, 25, тел. Б-1-99-92.

В. МИХАЙЛОВ

***

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОВОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К-4-04-62, разделы литературы и искусства — К-4-02-29, «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Международная литература — К-4-03-48, науки — Б-3-27-54, отдел информации — К-4-08-69, писем — Б-1-15-23, издательство — К-4-11-68. Коммутатор — К-5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б01233